

Николай Кульдяпов

ОСТРОВА ИСПЫТАНИЙ

Николай Куктыпов

Острова испытаний

«Литео»

2017

УДК 82-311.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Культяпов Н.

Острова испытаний / Н. Культяпов — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-617-5

Приключенческий роман «Острова испытаний» предназначен для широкого круга читателей, но в первую очередь для подростков. Это уже 14-я книга, не считая публикаций в журналах, альманахах и сборниках. Николай Культяпов – лауреат и дипломант около 40 международных и всероссийских литературных премий, на этот раз он решил окунуться в детскую литературу. В новом романе есть все, что необходимо для этого сложного жанра: заманчивое путешествие по бескрайнему океану, предчувствие захватывающей интриги, неожиданное кораблекрушение, преследование отпетых бандитов, завладевших преступным путем картой-планом с точным указанием хранения сказочных сокровищ. На поиски пиратского клада они и отправились на необитаемый остров. Но главный персонаж, отважный Джонни, решил преследовать их. Благодаря своей эрудиции, разностороннему развитию, в том числе и физическому, вундеркинду удалось быстро освоиться в сложнейших условиях и выжить, а в дальнейшем войти в доверие к аборигенам. После увлекательных приключений он с риском для жизни все же завладел кладом, который решил использовать во благо людей. Кроме описания экзотической природы отдаленных островов, удивительных обычаев и традиций коренных островитян-язычников автор тонко передал первые чувства, которые главный герой испытал к девочке-инвалиду. Только благодаря упорству, силе духа, огромной воле и вере в исцеление ей удалось победить свой недуг и выздороветь. И юные души своим счастьем и гуманными порывами заразили свое окружение.

УДК 82-311.2

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00071-617-5

© Культяпов Н., 2017

© Литео, 2017

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	34
Глава 10	35
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	47
Глава 15	51
Глава 16	53
Глава 17	56
Глава 18	60
Глава 19	64
Глава 20	68
Глава 21	72
Глава 22	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Николай Культияпов

Острова испытаний

© ООО «ЛИТЕО», 2017

© Культияпов Н., 2017

Часть первая

Глава 1

Есть люди, которые всем довольны в жизни, даже в мелочах, а есть такие, которые готовы взорвать этот устаревший несправедливый мир и возродить его заново, но уже совсем другим. И самое удивительное, что такой противоположной точки зрения придерживаются люди из одной семьи: непримиримые сестра и брат. Почему так? В последнее время Джонни всё чаще задумывался над этим вопросом. Но ответа пока не находил, в том числе и в умных книгах прошлого и настоящего.

* * *

«...Не сводя глаз со своей юной возлюбленной, отважный рыцарь прижимал руку к окровавленной груди, и вдруг с его хладеющих губ вырвалась сакраментальная фраза:

– И даже за мгновение до смерти безумно хочется любить!»

Под впечатлением от трагического финала известного романа задумчивый Джонни бережно закрыл книгу, и его взволнованный взгляд устремился к чистым небесам, где жаждал наглядно увидеть продолжение. Однако его серьезные раздумья нарушил навязчивый голос мамы:

– Обедать! Дети, к столу.

Сын с легкостью проигнорировал этот будничным и лишенный возвышенных чувств призыв, но в притаившуюся библиотеку как роскошная бабочка влетела нарядная сестра:

– Сколько можно тебя звать? Вечно тебя приходится ждать.

От такого наглого вмешательства в светлые мысли благородного рыцаря, каким он себя считал, Джонни обуяла ярость. Он бросил в сторону сестры презрительный взгляд голубых глаз и выразил своё негодование:

– И после всего, что мне только что пришлось пережить, вы еще предлагаете пичкать себя бифштексом с кровью? Да как вы смеете? Оставьте меня в покое.

– Целыми днями читаешь, читаешь... А толку? И что из тебя получится?

О, боже! Он обхватил голову руками, словно хотел скрыть от навязчивой сестры выходящие русые волосы.

– Никогда не загадывай свое будущее, даже если ты загадочный человек.

– Как бы я хотела...

Но раздраженный брат в очередной раз упредил:

– Увлекаясь сладкими мечтами, рискуешь приобрести сахарный диабет. Посмотри на маму – как она мучается! Так что, лучше не теряй голову – всадник без головы из тебя всё равно не получится, к тому же рискуешь окончательно разочароваться в жизни.

Она не собиралась его слушать и выпорхнула из библиотеки, а он задумался: хоть Кэтти и выше его на полголовы, но ума в ней явно недостает: придется воспитывать.

Со своими иными взглядами на жизнь и открытой звонкой душой он не вписывался, не находил себе достойного места среди домашних, к своему сожалению, не замечал не только ответного доброжелательного отклика, но и ожидаемых благостных отзвуков ни в семье, ни в школе, ни во всем отстраненном мире. А ведь хотел, хотя бы по праздникам. И чем больше озабоченный Джонни самостоятельно познавал черствый и бездушный мир,

тем больше поражался, а вскоре этому даже не удивлялся. Как же трудно быть непонятым самыми близкими: это всё равно, что быть преданным.

* * *

Конфликт уже давно назревал, хотя семья Крегов с виду выглядела дружной и благой, где вроде бы царили мир, взаимопонимание и полное согласие. Но за этим внешне образцовым фасадом благополучия таилось и тщательно скрывалось нараставшее напряжение. Угольки постоянных трений и разногласий уже не только вовсю тлели, а разгорались и готовы были вот-вот полыхнуть, однако никто не хотел этого замечать. От ежедневного нагнетания и обострения обстановки внутрисемейное давление только повышалось, а тайные пружины сжимались, из-за расхождений во взглядах и жестком отстаивании своих принципиальных позиций все ждали неминуемой грозы, но воспринять ее хотели как безобидный весенний дождик.

Однако в последний месяц все жили обнадеживающими ожиданиями и волнующими предчувствиями, каждый из семейства Крегов с искренней затаенной надеждой ждал только своего, безусловно, личного – уж так они устроены и воспитаны, – веря в исполнение самых сокровенных чаяний и привлекательных со всех точек зрения планов. О датах никто толком не знал, но твердо верил в их интригующее приближение.

И этот долгожданный день семейного праздника настал, хотя и с небольшим опозданием. За ужином педантичный папа, как всегда, поинтересовался успехами детей в школе и самыми значимыми событиями в их личной жизни. К этим вопросам он подходил очень серьезно и обстоятельно, будто это касалось государственной важности. Джонни особо хвастаться было нечем – день как день, – поэтому он привел слова учительницы.

«– Вы знаете, дети, один из вас сильно «порадовал» меня. В своем сочинении этот «вундеркинд» написал следующее: "Робинзон Крузо поселился на острове Свободы и создал там свободное независимое государство..."»

Даже обычно серьезный за столом папа усмехнулся и как-то неопределенно качнул головой.

– Ну и дети пошли... Позор! Совершенно не читают литературу! И что же она ему поставила?

– Две двойки: ему и себе. И правильно сделала. За педагогическую принципиальность я ее уважаю.

Вмешалась неудержимая сестра.

– Знаю я, как ты уважаешь своих учителей. Пап, я сейчас открою вам такую тайну, о которой вы даже не догадываетесь.

На этот раз Джонни угрожающе нахмурился – она даже не заметила – и пробурчал:

«Вот сколько лет себя знаю – с самого рождения, но другие, оказывается, знают обо мне гораздо больше!»

Раскрасневшаяся сестра продолжила:

– Он умудрился взломать сайт колледжа и разместить там свои глупые мыслишки.

– И какие же? – заинтересовался отец, заранее предчувствуя что-то необычное и обязательно плохое.

– Там много всего. – Она достала шпаргалку. – Например, такие: «Не надо прививать ученикам желание учиться, достаточно приучить их думать о предстоящей нелегкой жизни», «Не вздумай думать и читать, а научись угадывать все тесты!», «Если есть учитель по труду, то должен быть и по уму. Но где их взять?», «Школьный глобус напоминает голову учителя по географии»...

Недовольный отец облизнул пересохшие от злости губы.

– Джонни, когда это кончится?

– А зачем? Некоторые уроки забудутся, но школьные проделки – никогда! Без дурных привычек ребенку в школе делать нечего.

– Ты становишься просто невыносимым.

– А меня что, уже собираются выносить вперед ногами? Дорогая Кэтти, зная твои недалекие способности и возможности, я выражаю уверенность: ты очень далеко пойдешь, но есть опасность, что можешь не вернуться. Однако относительно меня напрасно стараешься: из этой затеи ничего не выйдет.

Сердобольная мама поднесла палец к губам.

– Дети, успокойтесь. Папа нам хочет что-то сказать.

А он чего-то выжидал... или колебался. И только тогда, когда подали десерт, он посчитал, что настало самое подходящее время, чтобы подсластить пудинг с вишневым вареньем. Он прокашлялся и торжественно объявил радостную весть. В ответ послышались радостные детские выкрики: «Ура! Вот здорово!» Еще бы! Предстояло заманчивое путешествие из Англии в США, таившее в себе столько неизвестности, что дух захватывало от одной только встречи с бескрайним Атлантическим океаном.

* * *

С этого момента все последующие действия и события как бы отсчитывались и оттачивались от него, поскольку в той или иной мере непосредственно зависели или хотя бы косвенно были связаны с ним.

По вполне понятным причинам, больше всех радовались непринужденные дети, которые в отличие от взрослых не скрывали своих эмоций и были избавлены от всевозможных утомительных забот по подготовке – разве что по мелочам. Всегда чопорная и нудная тринадцатилетняя Кэт – чем она очень напоминала свою маму, кроме возраста, конечно, – не скрывала, что собирается не только открыть для себя, но и без единого выстрела завоевать Америку. Чем? В первую очередь своей пленительной красотой! Видимо, поэтому и приготавливала все новые платья, а также другие дорогие наряды, словно собиралась одним своим видом покорить самую богатую страну мира.

«Какая наивность! Коль ты заложник барахла, то чем ты лучше бестолкового осла? Не пытайся прилично одеться, когда тебя видно насквозь» – посмеивался над ней прямолинейный Джонни, который откровенно недолюбливал ее. И было за что. Сколько раз она ябедничала и жаловалась на него, за что отец довольно жестко реагировал, лишая сына далеко не мелких радостей, таких как цирк, футбол, автогонки, рыбалка... В благодарность Джонни каждый раз искренне говорил ей:

– Дорогая Кэтти, сто раз тебя могу я видеть, но замечаю только раз, и то когда ты убегаешь от меня, как ошпаренная. Так что советую держаться от меня подальше: когда-нибудь ты дождешься у меня.

– Ой, напугал. Сначала вырасти до меня, а потом...

– Запомни, уж лучше колючий взгляд, чем на языке яд.

– Не учи ученого, Умник.

– Да я бы рад тебя хоть чему-то научить, но трезвый ум в тебя не вбить.

На этом воспитание старшей сестры прекращалось, так как юный «учитель» считал свои попытки бесперспективными. Но Джонни был справедлив во всем: во всяком случае, он так считал. Поэтому и родителям, как правило, занимавших ее сторону, за каждую несправедливость доставалось от его острого язычка. Чаше мысленно, но однажды он им откровенно выдал:

– Родители – укротители своих детей, но они даже не догадываются, что сами являются объектами дрессировки. Так что не обольщайтесь.

Они и не пытались: папа по-прежнему проявлял к нему строгость, а мама пыталась демонстрировать телячью нежность, в которой он совершенно не нуждался. И всё же он неукоснительно следовал правилу: не держись за мамину юбку – лучше за папины штаны: у них целых два кармана!

* * *

Давно назревавший скандал разразился на следующий день. А причиной послужили претензии по поводу пропажи тех или иных личных вещей, без которых, как выяснилось, не только отправиться в круиз – даже жить невозможно. Вот какое значение придавалось некоторым безделушкам и всяким тряпкам. По единодушному мнению женской части семьи, строгие взгляды-подозрения, как всегда, устремились в сторону невозмутимого Джонни. Поначалу он реагировал на них спокойно, заметив про себя: «И как же вы раньше обходились без них?»

Но от него каждый раз требовали немедленного ответа, и однажды он выдал:

– Ну ладно бы папины вещи: я мог их занюхать с тайной надеждой на вырост. Мам, но твои-то мне зачем? Про безвкусовые тряпки Кэтти я вообще молчу: даже ради большого искусства я не напялил бы их на себя. Так что лучше ищите: дом-то просторный.

Вмешался папа, у которого от злости брови срослись на переносице.

– Логика есть в твоих словах. Но почему у всех что-то пропало, а у тебя нет.

– Да потому что я еще не собирался. Вот на днях произведу сверку своих личных вещей по описи – и не дай бог, если пропадет хоть один носок...

Папа не любил в своем доме угроз и ультиматумов.

– И что тогда?

– Вот тогда и узнаете.

Такой поворот событий явно не устраивал маму.

– Сыночек, да что ты надумал. Да как ты...

– Вы мне сюда плюнули, – он указал на свою грудь. – А здесь у меня не пусто, имеет гордость и самолюбие. Если вы передо мной не извинитесь, то я уйду из дома. Стану бродягой. Нет, буду путешествовать по белу свету: пора уже претворять свою давнюю мечту в жизнь. И еще: рыться в моих вещах не советую – всюду расставляю незаметные капканы, сделаю тайные метки, поэтому сразу узнаю.

Но чопорный папа не отставал.

– Но ты мог продать.

– Тогда тем более нет смысла искать их у меня. Лучше обратитесь к своей памяти – тогда и найдутся ваши вещички.

Глава 2

Последнюю неделю весь дом был в тревожном ожидании. Лишь Джонни не суетился и внешне не выдавал своего беспокойства по поводу предстоящего круиза, сулившего всем столько опасностей и испытаний, что если бы они предвидели даже их толику, то непременно отказались бы от этого заманчивого морского путешествия. А он-то предчувствовал, но доказать и преждевременно сообщить о них не мог – засмеют, заклюют: такова участь неординарных личностей. Джонни об этом знал, поэтому учтиво предпочитал скромно помалкивать. А сам как бы со стороны наблюдал за нервной подготовкой членов семьи... к серьезным экзаменам на выносливость и выживаемость.

По характеру он всегда был подвижным, жизнерадостным и не по годам развитым ребенком, как его называли взрослые и учителя. Он вынашивал горы грандиозных планов, но теперь настала пора готовиться совсем к другому и необычному. Причем делал это основательно и со всей серьезностью, которой посторонние люди в нем не только не отмечали, но и не пытались замечать. А он – сам себе на уме и в свои двенадцать лет твердо решил стать знаменитым путешественником, поэтому заранее готовил себя к самым различным испытаниям. И этот круиз он воспринимал как один из этапов его общей подготовки к будущим опасным странствиям и глубоким научным исследованиям, которые позволят сделать мировые открытия. На меньшее он не согласен.

– Господа, вы только не торопитесь, у вас еще будет возможность оценить меня в целом, а может, и некоторые другие достоинства, которые пока не спешат трезвонить о себе на весь мир, – шутил он в различных кругах, когда речь заходила о его скромной персоне.

В нем удивительным образом уживались сразу несколько совершенно разных по возрасту и по характеру мальчишек. Хотя сам он нисколько не удивлялся этому. Он словно специально таил врожденное и накапливал в себе столько кипучей энергии и неукротимой фантазии, что заставить себя усидеть на месте без дела даже не пытался. Какие игры он только не придумывал и всегда хотел быть первым, демонстрируя лидерские качества, сноровку и выносливость. В то же время он был натурой мечтательной, много читал, любил погрезить, пофилософствовать, правда, по-детски, в силу своего возраста, но, сколько помнил себя, мудрые и полезные мысли – и совершенно неважно чьи – всегда интересовали и страстно увлекали его.

Неугомонный Джонни с детской непосредственностью и серьезным настроем наслаждался жизнью – пока ему никто не мешал – и спешил везде успеть. Но каждый раз находились ярые завистники и семейные противники, губители его высоких идей и развивающегося с каждым днем таланта. А его требовалось развивать и приумножать. Но вместо поддержки ему приходилось слышать совсем другое.

– Ты должен то, ты должен это, бери пример с этих... Однако туда не смей, а здесь опасно и выбрось дурные мысли из головы, коль всё не те то, не так и кажется напрасным, – поучал отец, используя обтекаемые формулировки.

Но сын придерживался совсем иной точки зрения и прочно стоял на своих позициях: если хочешь хоть чего-то в жизни добиться, не стоит медлить и откладывать дела на завтра: у завтрашнего дня – свои цели и задачи.

Его непокорная вольная душа противилась запретам и гнету, поэтому рвалась из тяготившего его дома, он с превеликой радостью убегал из него, посещал всевозможные кружки и спортивные секции, даже играл главные роли в школьном театре... Родители страшно удивлялись: «Как только его на всё хватает? Неужели не устает?»

Несмотря на кажущуюся загруженность и занятость, он выкраивал время и на безобидные шалости, и на смешные чудачества, и на необдуманные поступки. Невольно он словно коллекционировал их, за что ему порой крепко доставалось.

Кроме книг по естествознанию еще он любил географию и часто с лупой штудировал всевозможные атласы и знаменитые маршруты на картах. Находясь под сильным впечатлением от прочитанного или собственных грандиозных фантазий, мысленно он часто уносился на край света, где никто еще не бывал и не мешал ему творить великие дела и благородные поступки. Он искренне верил, что есть еще такие, и с небывалым вдохновением открывал для себя неизведанные географические точки, богатые изумительной флорой и фауной, а также полезными ископаемыми. Как он завидовал первооткрывателям прошлого, поскольку сам намного опоздал родиться, чтобы оказаться вместе с ними в нужном месте. Для них он стал бы незаменимым помощником.

Не раз ему мерещились отряды отчаянных смельчаков, пробирающихся в таинственных чащобах Бразилии, где бродили воинственные племена охотников за черепами бледнолицых. То он переносился в экзотические страны Африки и Азии и сталкивался уже совсем с другими мирами, где обитали странные племена и дикие люди, которые враждовали между собой и периодически вступали в междоусобные войны. К сожалению, они жили и вели себя совсем иначе и думали не так, как он. Но в жизни всегда есть место подвигу, и вершить хорошие дела никогда не поздно. Добравшись до них, он выполнит свою благородную миссию и заставит примириться, объединиться и кровно породниться. Внутренний голос и на этот раз всецело одобрил его великодушные замыслы.

– Вместе всегда легче преодолевать природные и бытовые трудности. Поэтому надо жить в мире и дружбе, – как опытный дипломат отметил он и тут же вынужден признать и смириться со своим нынешним одиночеством. – А на себя вечно рук и времени не хватает!

Среди сверстников Джонни так и не нашел закадычных друзей, с кем можно открыто поделиться своими сокровенными мыслями. Он знал, что за твердый и непримиримый характер одни тайно его недолюбливают. Другие за глаза считают чистюлей, «белой костью» и почему-то находят в этом для себя – а если захочешь, то всегда найдешь, в том числе и то, чего вообще нет, – какие-то неудобства и сложности. Но с такими недоброжелателями Джонни быстро расставался. Сам он ничего плохого в этом не видел и даже гордился тем, что не запятнал себя и не опозорил родителей. Складывалось впечатление, что этот странный мир не понимает его, а разобщенные и обозленные люди, как взрослые, так и дети – а им-то чего делить?.. – живут в извечной вражде, почему-то обособленно и увлечены только своей дешевой никчемной жизнью. И никому дела нет ни до него, ни до его глобальных планов во благо человечества, несущих в себе только мир, добро и светлые чувства. И, несмотря на всеобщее непонимание и отсутствие элементарной помощи и поддержки, с каждым днем он обретал всё большую уверенность в правильном выборе.

– Пусть все знают: когда я вырасту, стану знаменитым путешественником и исследователем. Вот увидите, проникну в самые отдаленные, в самые опасные и неизведанные районы и точки нашей планеты, где меня ждут поразительные открытия. И я открою людям глаза на многие вопросы.

Глава 3

Но мир не без добрых и умных людей. К отцу приходили известные политики, ученые, практикующие юристы, маститые литераторы, историки... Отдельных он знал и всегда с нетерпением ждал в гости, особенно тех, кто многое повидал и с восторгом описывал свои впечатления во время интересных поездок в далекие экзотические страны. Таких везунчиков он слушал с превеликим удовольствием и вниманием, особенно рассказы о заманчивых путешествиях, уникальных открытиях и удивительных фактах из многовековой истории.

Любознательный Джонни старался походить на таких людей, да и они хорошо относились к общительному и пытливому Вундеркинду, которого впервые так называли после городской олимпиады по истории и географии. С тех пор это прозвище накрепко приклеилось к нему. Окружение отца всегда с повышенным вниманием относилось к одаренному юнцу и с подчеркнутой теплотой, очень трогательно и лестно отзывалось о нем. Взрослые неизменно интересовались его успехами в школе и рекомендовали некоторые книги: как правило, в них он искал мудрость и полезные для него познания. При следующих встречах он в обязательном порядке делился своими емкими впечатлениями и давал принципиальную оценку прочитанному, чем не просто удивлял, а восхищал своих именитых собеседников.

Однако осторожный и скептически настроенный относительно способностей сына отец не разделял их оптимизма, откровенно заявляя:

– На ошибках своих детей стремительно старятся родители. Вот взять к примеру нашего Джонни: он с детства непоседа... словно заблудший в чужих краях ветерок, демонстрирующий свой переменчивый характер.

Однажды уважаемый профессор университета с аккуратной седой бородкой возразил ему:

– Да будет вам ворчать по-стариковски... У вас замечательный мальчик. Не берите в голову его мелкие шалости и проделки. Забавы детей называются безобидными играми, а вот забавы взрослых – пустым делом. И к деятельности они не имеют никакого отношения. Пройдет немного времени, и вы вспомните мои слова: он добьется больших успехов. – Профессор снисходительно похлопал по спине подростка и посоветовал: – Главное, мой юный друг, никогда не забывай основное правило: работать, работать и работать... И в первую очередь над собой. Найди свое место в жизни и никогда не изменяй своему любимому делу и призванию.

Джонни и на этот раз продемонстрировал остроумие:

– Если все человечество будет работать в поте лица, то снова наступит Всемирный потоп. Предупреждаю: далеко не всем повезет выжить.

Гости многозначительно переглянулись и улыбнулись. Профессор удивился не меньше других и с искоркой в глазах взглянул на отца.

– Некоторые люди утверждают, что дети – это цветы жизни, но больно уж они колючие! А ты, Джонни, что думаешь по этому поводу?

Он и ранее отличался кучностью мыслей и быстрой реакцией в принятии решений. Вот и на этот раз Вундеркинд не мямлил:

– Примерные дети ведут себя примерно так, как их родители. Молодость – это тот возраст, когда приходится кого-то удивлять, и не только хорошими поступками. А на ваш вопрос относительно талантов и непризнанных гениев отвечу так: «Ничтожности и то имеют цену, а что же о Великих говорить! Но, к большому сожалению, жизнь несправедлива к ним. Уж если гении для Времени крупницы, то, как же выглядят в его глазах тупицы?»

– Bravo! Блестящий ответ. Очень точно и смело, – просиял другой влиятельный гость, политический обозреватель столичного журнала, и по-дружески положил свою холеную руку на хрупкое плечо Джонни.

– Ты далеко пойдешь.

– Надо не идти, а ехать, еще лучше лететь: гораздо больше успеешь повидать и сделать, – мгновенно среагировал мальчик, на что даже взрослым было трудно возразить.

Джонни знал, что этот доброжелательный журналист придерживается левых взглядов и в последний раз записал в свою тетрадь три его фразы: «Оказывается, и на нищете народа можно заработать миллиарды! Если над народом творят насилие, значит, он демонстрирует свое бессилие». И последняя: «Изнасилованная страна может родить монстра!»

Рассудительный Джонни еще тогда задумался: «Так вот откуда берутся маньяки разных мастей! И кто во всем виноват». Ему еще тогда хотелось откровенно поговорить и что-то расспросить, однако не получилось. Но сегодня Джонни вдруг стал объектом повышенного внимания взрослых мужей. Поэтому надо было поддерживать беседу с уважаемыми людьми, которые высказали в его адрес кучу комплиментов. В них он не нуждался, но приятно: пусть папа слушает и наматывает себе на ус. На последнюю хвалебную реплику совершенно незакомплексованный Вундеркинд среагировал следующим образом:

– Лесть продает честь и совсем недорого берет. Если вас слишком сильно хвалят, следует задуматься об искренности приторно сладких слов, несущих в себе побочные явления.

Эта прямолинейная фраза совсем еще мальчика, хотя и безусловно одаренного, вызвала недоумение в стане солидных мужчин, но Джонни не испытал даже легкой неловкости.

– Вы же сами об этом говорили месяц назад, когда обсуждали статью о вашей партии и целях, которые она ставит на очередных выборах.

Все напряглись и сразу вспомнили тот эпизод, вызвавший споры, после чего даже не скрывали откровенной радости.

– Ты ее читал? Что скажешь? Только честно, ты же почти полноправный член нашего клуба.

– Навет на честного человека – это клевета, а на плохого – это реклама. А что касается предстоящих выборов, то напомним мудрую крылатую фразу: «Избравшие осла не думали, что породили льва!»

Довольные мужчины деликатно улыбнулись и дружно поблагодарили за науку. Известный в городе психолог, нервно потирая свои красные и потные ладони, поинтересовался:

– Говорят, ты изучаешь русский язык. Зачем тебе это?

– А вы взгляните на карту мира и всё поймете. Я уже два года хожу на курсы, а потом и за китайский возьмусь. – Последняя фраза вызвала всеобщее удивление. Прочитав в их глазах вопрос, он пояснил: – Вспомните об их населении. И с каждым годом их всё больше. Так что будущее за Россией и Китаем. Это я вам точно говорю.

Отец заметил, что откровенно рад, что его одаренный сын заглядывает в будущее, но лучше бы он задумался и о своем настоящем. А в нем хватает еще глупых ошибок и недостатков. Доброжелательный психолог спросил у Джонни, что он читает сейчас, какая тема занимает его больше всего. Тот был откровенен:

– Жизнь предлагает нам множество тем, но запретные темы пользуются наибольшим спросом.

– Жаль, что у меня нет такого сына. Я сделал бы из него дипломата, – высказался круглолицый заслуженный пенсионер, бывший советник посла.

Другой знакомый отца, известный не только в Англии, но и во всей Европе ювелир и владелец крупных антикварных магазинов мистер Лампарт, выпустив густой дым кубинской сигары, задумчиво произнес:

– А у меня уже взрослый. Со временем взгляды на жизнь меняются. Причин могут быть две: либо сын с каждым годом умнеет, либо вы глупеете. Чем взрослее наши дети, тем старше мы кажемся себе и окружению. Джонни, ты уж не спеши огорчать своих родителей, поэтому не торопись.

Великодушный Джонни искренне пообещал:

– Спешить расстаться со счастливым детством и юностью – самая большая глупость, которую придумало человечество.

Глава 4

Однако у Джонни были свои планы на ближайшее будущее, он гордился тем, что прочитал уже больше сотни книг, но решил не останавливаться на этом и дал себе клятву довести их счет до тысячи. Читал с фанатичным увлечением – в этот момент к нему лучше не подходи, – а самое интересное и полезное записывал в свою кожаную тетрадку. Предстоящий круиз через океан требовал от Джонни дополнительных знаний, и он снова целыми днями пропадал в библиотеке, предпочитая не посвящать любопытных родителей в свои перспективные замыслы. Для него библиотека – это не хранилище книг, а целебный храм, где всегда можно подобрать нужное лекарство для больной души, найти вдохновение для творческого ума и неиссякаемый источник фантазий для полета неудержимых мыслей.

– Где ты целыми днями пропадаешь? – поинтересовалась мама за завтраком и уставилась на его заспанное лицо, требуя своим прищуренным взглядом незамедлительного ответа.

– Как всегда в библиотеке, – последовал невозмутимый ответ. Джонни уже знал, как только он говорил правду, ему обязательно никто не верил, поэтому и на этот раз не утруждал себя бесполезным занятием по приведению неопровержимых доказательств: не на допросе же.

Папа привычно усомнился в искренности беспутного сына, который, как ему казалось, совсем от рук отбивается. А самое главное, постоянно лжет и не краснеет.

– И что ты там уяснил? Надеюсь, это не военная тайна?

– В настоящее время я изучаю историю, жизнь, обычаи и традиции аборигенов Латинской Америки. Как же они отличаются от своих собратьев из Африки – просто поразительно!

От удивления за столом все надули щеки, а когда уже не в силах были сдержаться, дружно рассмеялись. Лишь сестра, нарушив все мыслимые и немыслимые правила приличия, показала указательным пальцем на висок и с вызовом бросила ему:

– Непутевый. Кажется, ты перегрелся, пока мысленно пребывал там.

– Неправда, я путевый, потому что собираюсь стать путешественником... предпочтительно в жарких странах.

– Да, ты неисправимый лгунишка и фантазер, – выдохнул папа, приложив салфетку к влажным глазам.

Задетое самолюбие Джонни возмутилось, и он, нахмутив брови, привстал:

– Я правду сказал. Для меня она торжествует всегда, а ложь имеет свойство размножаться при ее отсутствии.

– Ну хорошо, хорошо, допустим, – сменил тон папа. – А зачем тебе эти аборигены? У тебя что, с ними намечается бизнес?

– Знания всегда пригодятся, – твердо ответил непреклонный сын и своей уверенностью в голосе прервал устроенный ему семейный допрос, включающий в себя обидные обвинения.

Вступилась заботливая мама:

– А ты свои вещи собрал?

– Так еще целых три дня впереди, – парировал сын, посчитав эту процедуру пустяковым делом. – А вы нашли свои?

Напоминавший прокурора Джонни прошелся своим неторопливым взглядом по лицам родных в поисках искреннего ответа. Все опустили головы и молчали. На этот раз Джонни никуда не торопился: дело чести важнее. Затянувшаяся пауза изматывала, но каждый из притихших не решался начать первым. Сын напомнил о своей угрозе бегства из дома.

– Пожалуй, пора мне в дальнюю дорогу. Два рюкзака сухарей я уже засушил – на первое время хватит, чтобы не умереть с голода.

Тогда пришлось откликнуться папе – по старшинству.

– Лично у меня ничего не пропало. Так что извини, я погорячился, – без выражения выдал он из себя.

– У меня тоже всё нашлось, – просияла мама, продемонстрировав на пухлых щеках свои ямочки.

– И у меня, – шепотом призналась Кэт, даже не приподнимая головы.

– Тогда где извинения? А впрочем, отработаешь добрыми делами и поступками. Я возьмусь за твоё воспитание.

* * *

В суете и в заботах последние дни и ночи пролетели как один насыщенный день. Когда на семейном совете прикинули общий багаж, больше всех вещей оказалось у Джонни. Отец возмутился:

– Ну куда тебе столько?

– Пригодится.

– Скажи, зачем тебе спальный мешок?

– Если в каюте будет душно, буду спать на палубе. Должен же я закаляться морским воздухом.

– Ну хорошо, а резиновая лодка зачем?

Ответ за брата поспешила дать въедливая сестра:

– Как зачем: плавать на палубе! – звякнула она и захихикала.

Надувший губы Джонни швырнул в нее недобрый взгляд и одновременно послал тяжёлую тираду мысленных угроз – она сразу заткнулась. Но родители ждали пояснений, пришлось удовлетворить их любопытство:

– А вдруг нас ждет кораблекрушение?

Бедная мама с испуга аж подпрыгнула на стуле.

– Сынок, ты на что намекаешь? Даже не думай об этом, а то вдруг и вправду...

– Мне сегодня сон приснился: не кончится добром наше путешествие.

Взглянув на мужа, бедная мама прижала ладони к горящему лицу и часто захлопала ресницами.

– Ты что, и вправду решил напроорочить?

А папа, нахмутив густые брови, потребовал веских доказательств.

– Я не знаю, что ты задумал... Так вот, так и знай: ни отговорить, ни запугать нас не удастся. Вопрос уже решен: ты отправляешься с нами.

– Да ничего я не хочу. Я же о вас беспокоюсь. Вдруг на всех шлюпок не хватит и по закону подлости – именно для нас.

– И что тогда? Ты вызовешь ангелов?

– Я буду вашим ангелом-хранителем. Да, да... У нас своя лодка и всегда под рукой: вы втроем в ней, а я могу на воде продержаться, пока не подоспеют спасатели.

– А парашют зачем? – не унимался назойливый папа.

– Хочу полетать над статуей Свободы.

– Где уж ты всё знаешь, а тут... такие элементарные пробелы! Нельзя над ней летать, – уверенным тоном заявил отец и взглянул на внешне невозмутимого сына, ожидая его реакции.

Эмоциональный Джонни не заставил себя долго ждать и выразил возмущение:

– Да что же это за свобода такая, над которой нельзя летать? И почему я не имею право взглянуть на нее сверху и внимательно рассмотреть оттуда? Почему я должен смотреть на

нее снизу и держаться подальше? А вот я хочу, – он выдохнул скопившийся горячий воздух, – хочу быть выше свободы, быть над свободой.

Снова вмешалась сестра: ехидство с радостью слетело с ее вредного языка.

– Да мало ли кто чего хочет! В свободной стране далеко не всё свободно... продается и покупается.

– В этом ты ошибаешься: всё и вся! Читай газеты и журналы.

Увлеченная только своими мыслями, она его не слушала.

– Думаешь, ты один такой умный? А вдруг все захотят летать над свободой, да еще плевать на нее сверху. Люди же всякие бывают.

– Глядя на тебя, в этом я не сомневаюсь. Что касается меня, то я вовсе не собираюсь на нее плевать, а только полюбоваться и ощутить себя свободной птицей. В конечном счете она должна служить человеку, а не человек ей.

Отец хмуро усмехнулся, сосредоточенно покачивая головой.

– Да ты у нас, я гляжу, настоящий демократ! Или либеральный оппозиционер?

– Я простой человек, а поскольку еще юный, поэтому пока вне политики, экономики и всяких грязных избирательных технологий... Пап, признайся, а ты не хотел бы взять и взмыть к облакам?

– Упаси бог.

– Сочувствую. Всякая душа хочет летать, да не у каждой есть крылья.

Сестра саркастически хмыкнула:

– То ты у нас птица, то человек... Не поймешь тебя.

– И не пытайся, а то сдвиг произойдет. В одном уверяю тебя: не краса я.

– Это у тебя уже крыша поехала: одни тараканы на уме.

Несмотря на сахарный диабет, мама не могла удержать себя. Однако при упоминании ненавистных тараканов она поперхнулась и чуть не подавилась третьим по счету пирожным – последний кусок весьма некстати застрял в ее горле.

– Ч-что? Ч-что? – еле вымолвила она чужим хриплым голосом, продолжая давиться непережеванными остатками. А выплюнуть неприлично.

Однако дочь не успела удовлетворить ее любопытство, вмешался Джонни и пригрозил:

– Кэтти, еще одно слово, и родители узнают о тебе очень много нелицеприятного. Не думаю, что ты хочешь разочаровать их.

Сестра вспыхнула, ее нижняя губа затряслась. Встретив недоуменные взгляды родителей, она еще больше разволновалась. Мгновение, и ее словно ветром сдуло со стула, со слезами она поспешила покинуть столовую. На прощание она, горько всхлипывая, причитала:

– И когда прекратится это издевательство? Какая я ему Кэтти?

Нервно хлопнула дверь – и всё стихло. Мысленно все присутствующие, конечно же, обвинили невоспитанного брата. Затянувшуюся нервную тишину прервал отец, который вполне оправданно переключил свое внимание на сына.

– Джонни, и всё же я категорически против парaplана.

– Тогда я никуда не поеду, – дерзко возразил тот и даже привстал. Он готов был бросить следующую фразу, что если его всё же будут принуждать, то в день отплытия просто-напросто сбежит. И тогда никто его не найдет. К его удивлению, принципиальный отец, который не любил даже малейших возражений, на этот раз оказался более рассудителен и постарался быть убедительным.

– Ну посуди сам: в океане ты же летать не будешь. А если ты без него жить не можешь, то купишь в Америке и забавляйся, сколько тебе хочется.

– Да что вы хотите от меня, когда я уже ничего не хочу? Оставьте меня в покое и отправляйтесь одни. А я и один не пропаду.

Если б он знал, что в эти секунды испытал его отец, который просто не мог допустить, чтобы Джонни остался дома. Иначе... Но сын в это время перевел мечтательный взгляд с потолка на окно, за которым вольготно плавали густые белые облака. Как же он завидовал им!

— Пап, да как ты не поймешь, к этому парашлану я уже привык, он подогнан и слушается меня, как родной.

Еле сдерживая свою внутреннюю злость, отец прекратил бесполезный разговор и встал из-за стола. Но мама в подобных вопросах всегда была сторонницей и выразительницей воли главы семьи, поэтому не сдавалась:

— Лучше возьми что-нибудь из одежды, чтобы выглядеть более прилично.

— Я бы рад, да выбор из малого более сложен, чем совсем из ничего. — Удивившись, что она его до сих пор не поняла, он продолжил: — Мама, в мире столько интересных вещей, но все они почему-то не в моем вкусе и не моего размера.

Глава 5

Настал мучительно-долгожданный и одновременно очень трогательный момент, когда семейство Крегов дружно покидало свой дом. Окруженные грудой вещей, все взволнованно смотрели на него с внешней стороны и мысленно прощались. Несмотря на разный возраст и характеры, в голове каждого трепыхалась назойливая тревожная мыслишка:

«Неужели навсегда? Все-таки предстоит дальнейшее путешествие по морям и океану. Да еще в первый раз!»

Незаметно пролетели одна задумчивая минута, другая, и глава семьи уже с деловой важностью и привычной напыщенностью давал последние указания прислуге, а невеселый Джонни, задрав голову, витал в своем мире: густая городская синева словно специально в знак протеста потемнела, и сплошная облачность скрыла прежнее небесное великолепие, которое еще утром улаждало душу будущего исследователя.

– Жаль! Проклятая непогода такую красоту загубила! К чему бы это?

Из-за неважного настроения всё остальное уже неважно, но придется подчиниться.

«Если у вас сегодня странное состояние, не пора ли отправиться странствовать?» – спросил внутренний голос, и Джонни и тут же согласился уверенным кивком.

* * *

Морской порт торжественно провожал в дальний путь белоснежный лайнер. И пусть он не современный и не самый комфортабельный, зато имеет богатую историю и не раз побеждал в борьбе с безумной водной стихией.

Отплывающие и провожающие взволнованно толпились у трапа и не торопились прощаться: словно чего-то выжидали. В голове и в душе Джонни всё смешалось, в стоящем гулком гомоне он умудрялся одновременно улавливать всеобщее волнение, трогательные слезы, резкие запахи духов, цветов, пота и занудные напутствия, которые не отличались разнообразием. Видимо, большинство из них, как и он, впервые отправляются в такое дальнейшее путешествие, только этим можно объяснить вполне объяснимое нагнетаемое беспокойство, оно словно наэлектризовано неумной тревогой. Все-таки предстоит преодолеть Атлантический океан! А он, как известно, непредсказуем. А кто-то об этом даже не догадывается и беспечно пребывает в эйфории от ожидания захватывающих впечатлений.

От нечего делать Джонни стал изучать ближайшее окружение: его блуждающий взгляд метался с одного чужого лица на другое. Кто же они, рискнувшие подвергнуть себя серьезному испытанию? Какие же они разные: и по возрасту, и по благосостоянию, и по характеру. Но одержимые.

«Чует мое сердце: ох и достанется вам, господа хорошие!»

Среди ничего неподозревающей толпы наблюдательный Джонни обратил внимание на высокую костлявую женщину с ярким макияжем и выпирающей нижней челюстью, похожую на сухую ветку, украшенную искусственными цветами и листьями.

«С годами женщины в совершенстве овладевают наукой лжи... И в первую очередь о своем возрасте. О, Боже, сколько у нее лишних вещей! Куда ей столько? Глядя на нее, невольно возникает мысль: как много человеку надо, когда ему уже ничего не надо. Но она, видимо, придерживается другого принципа: в восемьдесят лет застрахуй свою жизнь на кругленькую сумму и отправляйся в кругосветное путешествие – риск благородное дело!»

Затем его взор вырвал из толпы двоих на первый взгляд невзрачных мужчин, проявлявших подозрительную нервозность. Только удивленный Джонни хотел присмотреться к ним,

а они взяли и отвернулись от него, чем еще больше заинтересовали Вундеркинда. Незаметно приблизившись к ним со спины, он услышал следующий диалог:

– Не дрейфь, Билли. Еще две ходки, и всё. Не стой истуканом, лучше затеряйся среди пассажиров и больше улыбайся. Главное, не выпячиваться, не высвечиваться.

Как же они ошибались: юный сыщик уже выделил их из тысячной толпы: а у него хватка цепкая! Порой одной мелочи или элементарной ошибки ему вполне достаточно, чтобы заострить свое внимание.

– А капитан, а его помощник?.. Они, как натасканные ищейки, сверху видишь как зыркают. У меня какой-то мандраж. Мне кажется, что они наблюдают только за нами.

– Да кому ты нужен, чтобы персонально тебя пасти? Зачем ты забиваешь свою голову всякой ерундой?

– Так я же не гвоздями ее забиваю. Если уж заниматься ерундой, то делать это надо серьезно. – Тощий тяжело вздохнул и снова оглянулся: Джонни едва успел вовремя присесть. – Мне кажется, что мы примелькались уже: сколько раз бегаем туда и обратно, будто запасаемся на всю оставшуюся жизнь.

– Ну и что. Может, нас кроме жен провожают десятки любовниц: пусть все завидуют.

– Завидую тебе, Фреди. Так ты уверен, что они ничего не подозревают?

– Да нет, конечно, но, думаю, у них своих забот хватает. К тому же на твоей постной роже ничего примечательного совершенно не просматривается: одна трусливая пустота и постная скукота.

– Значит, они высокомерные, – с облегчением выдохнул Билл. Только сейчас Джонни заметил у худого мужчины родимое пятно на щеке. Тут же обнаружилась еще одна особая примета: у него такие выразительные глаза, будто собрались умереть голодной смертью.

После того, как он взвалил на плечо тяжелый рюкзак, его тело заметно сгорбилось и сильно перекошилось. Точно такой же был и у другого, плотного мужчины с седой шевелюрой и небольшим шрамом около левого уха. Загорелое лицо незнакомца напоминало витрину универсального магазина, а выпирающий живот – его переполненный склад.

Продолжая незаметно наблюдать за ними, Джонни в душе ликовал: у него появился интерес к потускневшей жизни, во всяком случае за время круиза скучать ему не придется, так как в поле зрения попали очень подозрительные типы, которые требуют к себе самое пристальное внимания. Так подсказывала его чуткая интуиция.

«А вдруг это террористы или пираты XXI века? Может, их сразу обезвредить? Нет, это было бы слишком просто и быстро. Не может он добровольно лишиться себя такой радости, как постоянная интрига, тревога от ощущения реальной опасности, предельная осторожность, слежка, если надо, то и погоня. Вершиной всех этих приключений должна быть кульминация, а завершится всё победным концом и триумфом! Это для него, а их ожидает разоблачение и позорный арест. – Другого исхода для них он не видел, заранее посчитав своих незадачливых жертв обреченными на провал. – Так что же у них в рюкзаках? И чего они так боятся?» – родились первые вполне оправданные вопросы в сознании юного сыщика, которому предстоит напрячь свой мозг и найти ответы: такова теперь его нелегкая доля.

Он застыл в глубоком раздумье, а в душе сразу же сработали обостренные чувства подозрительности, закопошились сомнения в искренности услышанных слов. Позже они только усилили его обоснованное беспокойство.

В этот момент до него донеслось собственное имя, которое поочередно выкрикивала встревоженная мама, поддержанная папой и писклявой Кэтти. Вечно она сует свой нос, где ее не спрашивают, поэтому и заслужила к себе откровенную неприязнь. Она очень не любила, когда он ее так называл, и требовала к себе не только почтительного отношения, но и уважения как к старшей сестре, однако неисправимый Джонни делал всё наоборот, чтобы порадовать свою неугомонную душу. Вот и на этот раз он с радостью утешил себя: «Дорогая

Кэтти, ну что ты суетишься и взвинчиваешь себе и без того одряхлевшую нервную систему? Напрасно ты волнуешься за меня! Или делаешь вид? Сама, наверно, только и мечтаешь, чтобы я где-нибудь затерялся, опоздал или без вести пропал».

После ускорения, застыв в шаге от широких бедер и массивной спиной мамы, он хладнокровно известил о себе:

– Да здесь я, здесь. Что вы так раскричались? Вы же приличные люди, а вынуждаете, чтобы на вас обращали внимание.

Сердитое лицо папы вытянулось до привычной узнаваемости, затем последовал вполне справедливый вопрос:

– Ты где был? Я же строго-настрого предупреждал...

– Да я никуда и не отходил. Это вы потеряли меня в двух шагах.

– Я потом с тобой разберусь, – грозно пообещал побагровевший родитель, затем обратился к остальным: – Наши вещи уже на судне. Пора и нам на посадку. Держитесь друг за другом, а ты... – его указательный палец устранив, словно живой кинжал, уперся в чувствительную грудь Джонни, будто собирался в любую секунду вонзиться прямо в непокорное сердце, – ни на полшага от меня. Иначе... Ты меня знаешь.

Кому же охота погибать в таком юном возрасте, да еще в самом начале многообещающего путешествия на другой край света.

– Пап, не заводись, а то на тебе ездить будут.

– По-моему, ты давно уже оседлал, а я всё терплю, – отец указал на свою шею. Глядя на него и на маму, сын пришел к выводу: «У родителей много прав, но пусть лучше они занимаются своими непосредственными обязанностями».

В голове Джонни уже прочно засела навязчивая мысль, что этот круиз сулит преподнести массу загадочных приключений, прежде чем ему удастся открыть самую загадочную тайну. Обязательно древнюю-древнюю и очень интересную! И не книжную, а настоящую.

«У меня всегда всё по-взрослому – иначе не интересно. Однако посмотрим, что произойдет на этот раз».

Азартный Джонни предчувствовал что-то необычное и настроен был смело броситься в кипящий водоворот предстоящих событий, наверняка таивших в себе реальные опасности и угрозы для жизни и здоровья. Но разве может струсить и остановиться мужественная и одновременно романтическая душа начитанного двенадцатилетнего мальчишки, готового вступить в бой с несправедливостью и жаждущего совершить самый настоящий подвиг. Однако он откладывался на неопределенный срок, а пока пришлось юному герою подчиниться и неотступно следовать за строгим отцом, чем-то напоминавшего гуся. Мысленно же Джонни был уже где-то очень далеко.

Зато остальные члены семьи в предстартовом ожидании выстаивали свое призрачное счастье, изнывая от нервной усталости и суеты в безмерной очереди к трапу. И всё же что-то их заряжало, и они как дети заранее радовались, словно предвкушали какое-то великое чудо.

«Уносит юность от причала, как важно правильно найти начало!» – прошептал внутренний голос Джонни, чтобы вернуть его на землю и приободрить.

На его глаза снова попалась разукрашенная древняя старушенция, которая в растерянности не знала, за какую поклажу хвататься в первую очередь: рук две, а вещей пять. Джонни – добрая душа – искренне сжалился над ней и предложил свои услуги:

– Миссис, вам помочь?

– Нет, нет, я сама, – испугалась она и отмахнулась от него как от назойливой мухи. – Много вас тут, заботливых «помощников», а сами только и норовите что-нибудь украсть.

Эта грубая реакция не могла не задеть самолюбивого Джонни, и он дерзко ответил ей про себя:

«Возраст пожилых женщин всегда хромает приличной неточностью. Поскольку на приличную старушку вы не похожи, выходит, вы хромая? Тогда лучше скакали бы отсюда и не нервировали меня? – Она швырнула в Джонни презренный взгляд, который явно не поднял ему скверное настроение, поэтому снова включился острый на язык разум. – У нее не глаз, а сглаз. Почему так: в молодости все цветут и пахнут, а в старости становятся одно-разовыми венчиками? Как же быстро вянут и изнашиваются».

Оставив ее за спиной, безобидный на таких неизлечимо больных и старых Джонни сразу же забыл о ней. А спустя минуту черт его дернул обернуться: а там опять эти назойливые типы.

«А может, это грабители или обыкновенные воры? И давно они следят за нами? – Он чуть развернулся и снова боковым зрением взглянул на них. – Надо же, как они похожи – как родные братья!»

И как это он раньше не догадался? Теперь он должен, нет, просто обязан быть рядом с ними, чтобы слышать их подозрительные разговоры. Тут же у него якобы развязался непослушный шнурок, и юный сыщик нагнулся, чтобы пропустить вперед сестру. Однако предусмотрительная мама, слегка присев и широко расставив руки, резко затормозила. Движение очереди приостановилось, но мама-наседка терпеливо ждала, пока ее сын-петушок не примет вертикальное положение и спокойно продолжит путь к трапу. Джонни ничего не оставалось, как встать и догнать неповоротливую сестру.

«Что же делать? Они следуют за мамой всего-то в трех шагах! И о чем-то договариваются... Видимо, дело идет к развязке. А вдруг все наши семейные деньги у нее? Надо что-то срочно придумать, чтобы оказаться рядом. Джонни, думай, думай, включай свои мозги».

Уже на трапе он обратил внимание матери на красивый морской пейзаж, она с восторгом увлеклась и тут же потеряла проворного сына из виду. А он сознательно приотстал и оказался перед братьями, которые как назло о своих преступных замыслах – ни слова, только пыхтели и изредка проклинали устоявшуюся жару.

Отец уже предъявлял билеты и очень разозлился, не увидев за собой сына. Чтобы успокоить его, Джонни крикнул и помахал рукой: его широкая улыбка выражала, что не стоит волноваться – он не сбежал, по-прежнему бодр и весел. Ему казалось, что он идет не по трапу океанского лайнера, а по бесконечному трапу жизни: и каждая ступенька была очередным этапом и важным событием. Куда эта уверенная поступь приведет, он даже не предполагал, но шествовал смело, иначе не приучен.

А подозрительные типы держались самоуверенно: они приветливо поздоровались с вахтенным и как-то запросто бросили ему дежурные фразы:

– Это опять мы.

– Никак не простимся. Ну и погода сегодня.

– Проходите, – деловито отреагировал тот, не выдав на своем худом смуглом лице даже тени сомнений относительно принадлежности их к экипажу.

«Выходит, они здесь свои? – откровенно разочаровался поникший Джонни, разглядывая на шумной палубе удаляющиеся сутулые спины. – А я-то размечтался, настроился... Какой же я наивный! Мальчишка!» – сознательно унизил он себя.

Глава 6

Встрепенувшееся, было, настроение окончательно испортилось, теперь Джонни даже не знал, чем заняться и чему посвятить себя во время длительного утомительного круиза.

– Жизнь не может быть прекрасной, если кажется однообразной. Однако не стоит унывать, наверняка найдутся и другие увлечения и развлечения: надо только их найти среди скучных обыденных будней.

Усидеть в каюте Джонни не мог. На всю жизнь он запомнил звук рынды на отчалившем судне: сразу взбодрился. Ему казалось, что, отчалив от причала, судно ожило, обрело совсем другое дыхание и окунулось в другую, привычную для него морскую жизнь. С виду кажущийся обычным и непримечательным прозаический мир вступил в новую фазу и атмосферу, богатую самыми невероятными событиями, о которых человечество даже не догадывается. К сожалению, эти добрые и слегка взволнованные люди, что окружают Джонни, провидца-любителя, в большинстве своем оказались беспечными и даже не подозревают об этом. Они продолжают мирно прогуливаться, наряжаться, общаться, говорить ни о чем или всякие нелепости, некоторые и здесь ведут себя словно на сцене, заранее зная сценарий и предвидя конец приятного путешествия, другие вообще не думают о будущем и всевозможных последствиях, поэтому остаются обычными и непосредственными: они развлекаются, веселятся, танцуют и поют. Как же они наивны и легкомысленны, а неизвестность уже готовит им тяжкие испытания и внезапные горькие сюрпризы, невольно нагнетал страсти Джонни, твердо веря в свою прозорливость.

Но это случится чуть позже, поэтому он старался хоть как-то отвлечься. Всматриваясь в бирюзовый горизонт, он пообещал себе добраться и до него. А пока завораживающие мысли уносили Джонни в сказочные тропические края.

«Вот сейчас преодолеем невидимые ворота в открытое море, выскочим на просторы океана, а там простирается огромный, необозримый мир, еще не до конца изведанный специалистами. Простые люди не в состоянии увидеть его, поэтому и не замечают. Это не их вина – это их горькая беда!»

Но Джонни не такой, как все. Он молод, полон сил и кипучей энергии. Кому же не хочется в его годы стирать белые пятна с современной карты мира. Должен же и для него найтись маленький уголок планеты, где полностью отсутствует цивилизация. Однако, взглянув в холле на разноцветную карту мира, не нашел там ни одного белого пятна! Может, карта слишком масштабная и неизведанные мелкие точки, которые интересуют людей увлекающихся, даже не замечает?

Его мысленный интерес к первобытным народам и другим культурам не ослабевал ни днем, ни ночью. А по бодрым заманчивым утрам и задумчивым вечерам только усиливался. За бортом слегка покачивался на волнах длинный лунный след, который словно звал его куда-то, где обязательно откроется древняя тайна. Он в нее верил, она сладостно соблазняла и будила в нем чудную фантазию. Это обстоятельство не только красило, но и украшало его порой скучную серую жизнь, и он по-детски откровенно радовался каждому ее проявлению.

* * *

Однако в целом невзрачная действительность рисовала ему совсем другие картины, поэтому от нудного однообразия наступали и другие минуты. Но каждый раз его своевременно выручал внутренний голос:

– Если обстоятельства загнали тебя в угол, так сконцентрируйся и преврати их в точку зрения и в угол обозрения.

Чтобы скоротать замедленное время для начала Джонни решил ознакомиться с судном. Поскольку гида ему не выделили, пришлось самому устраивать себе познавательную экскурсию.

На корме сразу обратил внимание на одинокую девочку в облегающем белом платье и розовой шляпке. Красиво расположившись в шезлонге – почти как взрослая дама, – она увлеклась чтением. Он раз прошел мимо, второй, а она словно полностью отключилась от внешнего мира и ничего вокруг не замечала. Это его немного задело и одновременно обрадовало – хоть одна родственная душа, – и он запросто присел рядом.

– Ты случайно не из России? Не жила там? – Девочка удивилась и пожала плечами. – Дело в том, что я сейчас изучаю русский язык, а практики не хватает.

Только она разочарованно покачала головой, как он ее ошарашил:

– У тебя тараканы есть? – беспардонно спросил он, будто решил проверить ее реакцию на самые глупые вопросы.

Она мгновенно оторвалась от книги – в глазах легкий испуг и непонимание – и застыла в нерешительности. Это был испытанный метод знакомства: подобный вопрос любого озадачит. Осмыслив его нелепость, она с нескрываемым любопытством взглянула на того, кто посмел обратиться с такой глупостью. Оказалось: обыкновенный худенький мальчик с умным выражением лица, по возрасту сверстник, который и не думал скрывать заинтересованного взгляда.

– Ты имеешь в виду у меня в голове? – на всякий случай спросила она.

– Да нет. Вообще.

– А если «нет» и «вообще», то зачем же частности?

Однако он не стал вдаваться в подробности, объяснять и с гордостью похвастался, продемонстрировав небольшую коробочку:

– А у меня есть. Настоящие! Джек у меня – чемпион школы по бегу. Я на нем столько призов и разных вещей выиграл, что готов всё для него сделать. В благодарность я ему достойную подругу нашел: пусть вместе живут – куда веселее, чем всегда быть одному. Я это по себе знаю.

Он не заметил, как она тяжело вздохнула и призадумалась, что могло означать только одно: ей тоже это знакомо. Однако она и не думала открываться перед незнакомым мальчиком. Зато он позволить себе такого не мог, поэтому продолжал знакомить ее со своими рыжими «друзьями».

– Я ее Принцессой называл. – Он осторожно приоткрыл коробку и показал своих усатых приятелей: девочка сморщилась и умоляющим жестом отмахнулась, словно от назойливых ос.

– Ой, не надо, я всё равно в них не разбираюсь.

– Да чего тут разбираться, – настаивал он и поднес своих питомцев еще ближе к полыхающему лицу девочки. – Вот эта, что меньше, и есть Принцесса, а крупный – непобедимый чемпион по забегам Джек. Запомнила?

Испуганной незнакомке ничего не оставалось, как несколько раз торопливо кивнуть, чтобы навсегда закрыть эту неприятную для нее тему. Больше всего она боялась на свете тараканов, мышей и фильмов-ужасиков. Но отделаться от этого навязчивого мальчика ей не удалось: ведь он не просто так подсел к ней. Слишком общительный спутник со всей серьезностью поведал, что если на планете погибнет всё живое, то тараканы и крысы обязательно выживут. Очень живучие существа. Людям надо многому учиться у них.

«Пусть другие, но только не я, – мысленно призналась она, невольно прикрывшись книгой, и с удивлением взглянула на уверенного в себе собеседника, как будто от него теперь зависела ее судьба. Он словно сжалился над ней и искренне улыбнулся. – Значит, пощадил, тогда и я не погибну!»

– А меня зовут Джонни. Что читаем?

Она сразу успокоилась и с легкостью втянула в себя освежающий все внутренности морской воздух, затем устремила на него любопытный взгляд синих-синих глаз. Оба с каким-то необычным вдохновением молча смотрели и изучали друг друга, словно пытались запомнить перед долгой разлукой. Не найдя во внешности незнакомого мальчика ничего предосудительного и отталкивающего, она приветливо улыбнулась и учтиво представилась:

– Стелла Трауб.

Аккуратно поправив закладку, она закрыла книгу и охотно продемонстрировала Джонни твердую красочную обложку – тот не восхитился от названия и как-то равнодушно пожал худыми плечами. Тогда она добавила:

– Любовная лирика.

– Хм. Мне это неинтересно, – с серьезным видом признался он и своим откровением несколько не удивил свою новую знакомую, которой уже исполнилось тринадцать лет.

– И что же тебе интересно? Одни тараканы?

– Дальние путешествия и опасные приключения. Но, видно, не судьба. Смотри, океан как назло удивительно спокоен, даже намек на опасность не предвещает. А мне шторм подавай, я жду его, жду, а его всё нет. Хотя бы какое-нибудь ЧП... Ну сколько можно издеваться надо мной и моими ожиданиями?

Словно проверяя только что сказанное, Стелла устремила свой задумчивый взор вдаль.

– Вот, казалось бы, затишье, и море одно и то же, а виды открываются всё время разные. Каждый день разный восход, полдень и закат.

– Так и мы каждый день разные... из-за настроения. Особенно взрослые – очень зависимые в этом плане. Что уж говорить про непредсказуемую природу.

– А ты что, и вправду любишь штормы, ураганы, тайфуны, смерчи, торнадо и разрушительные ветры?

– Да это я так, для разнообразия жизни, – признался он, и ей понравилась его откровенность. – Все-таки океан! Должен же он оправдывать свое название. Представь себе, налетит сейчас могучий шторм и тебя гигантской волной смое. Пока все будут в панике метаться и бешено кричать: «Человек за бортом! Спасите!» Я раздумывать не стану – первым брошусь в бушующий океан и спасу тебя. Для меня это ничего не стоит.

«Хвальбишка», – определила она, но обижать своего нового знакомого не собиралась.

– Ты хорошо плаваешь?

– Как дельфин. А еще я смелый и ловкий, – снова с серьезным видом пояснил он, припомнив отзывы своих сверстников.

Стелла не удивилась его желанию прихвастнуть и безобидной наивности, она расслабилась и по-детски так широко улыбнулась, что самой стало приятно, но тут же ее радостное лицо помрачнело от внезапного налета взрослой озабоченности.

– А я вообще не умею, – с тягостной грустью призналась она. – И ноги у меня не двигаются, хотя боль в них я ощущаю.

Он взглянул на ее красивые белые ножки в ажурных носках и серебристых туфлях, и что-то в его горячей душе и в пересохшем горле застряло: он не мог даже утешительного слова сказать. От внезапной паузы она стыдливо опустила голову, а он не мог оторвать своего затянувшегося взгляда от девичьих ног, словно пытался своими чудодейственными чарами вдохнуть в них жизнь. Только набежавший легкий ветерок разорвал эту тяжелую паузу и нарушил тишину, тем самым избавил Стеллу от неловкости, а юного экстрасенса – от бесполезного напряжения, так как проведенный сеанс признан неудачным из-за короткого времени воздействия.

– Вот мы и отправились в Америку. – Пояснила она, тяжело вздохнула и без всякого вдохновения добавила: – На операцию. Но я уже не верю.

Только сейчас Джонни за шезлонгом приметил инвалидную коляску, которая вызвала в нем неприятное ощущение. Он живо представил в ней себя, и не просто сидящим, а прикованным цепями. И его неугомонная бунтующая душа возмутилась. Тогда Джонни решил приободрить ее:

– Надо верить. П-понимаешь, – от волнения он стал заикаться, – я в тебя верю: ты тоже сильная – сразу видно. Всё будет хорошо! Я в книгах читал: побеждают только личности и сильные духом.

Она снова улыбнулась и с нежной благодарностью прошла своей изящной ладошкой по его загорелой руке. Он смутился и отнял ее, словно испугался щекотки, а затем энергично спросил:

– А ты кем мечтаешь стать?

– Заняться наукой. Микробиологией.

– Станешь, обязательно станешь! Это несложно, – с легкостью заверил Джонни, а сам вспомнил фразу: «Если в науку пошли женщины, жди появления модных наук». – А ты первый раз на таком лайнере? – Она откровенно кивнула. – И как тебе наша старая калоша?

– Почему «старая» и «калоша»?

Юный специалист по морским делам уже собрался ответить, однако приметил сестру: она затаилась за углом и периодически высовывалась – не в силах скрыть своей беспардонной наглости и ревностного любопытства, чем всё закончится. Но разве от юного сыщика может ускользнуть такая оплошность. Его взбесила бездарная работа непрофессионала. Стерпеть подобного он не мог, извинился перед Стеллой и устремился к сестре. От неожиданности она ойкнула и невольно прижала трясущуюся ладонь к губам: одни крупные глаза сверкали, застыв в растерянности. В качестве воспитательной меры он поднес свой кулак к ее лицу: после короткого шока вдруг бестолково захлопали ее ресницы.

– Ты что, следить за мной вздумала? Тебе что, совсем нечего делать?

В свое оправдание она с радостью подтвердила, что ей смертельно скучно. А чтобы еще хоть как-то оправдать свое безрассудное поведение, придумала, что его давно ищет мама: хочет что-то спросить.

– Не ври, несчастная шпионка. Я всё проверю... Ну что стоишь? Беги, да только не споткнись, не сломай на радостях себе ногу или шею. Доложи и одновременно заложки, чем я тут занимаюсь.

Глава 7

Отчитав сестру, Джонни похлопал себя по щекам, чтобы избавить свое лицо от взывавшего гнева. Затем мягкой пружинистой походкой вернулся к Стелле.

– Извини, дела. Даже здесь покоя не дают.

– Я спросила насчет «старой калоши».

– Да потому что это трансатлантическое судно сошло со стапелей аж в 1968 году, а в свой первый рейс отправилось в мае 1969-го. В первый год работы на океанских линиях оно принесло хозяевам прибыль в 2,5 миллиона фунтов стерлингов. Мне известны и его технические данные: длина – 293 метра; ширина – 32; осадка – 9,8 метра; водоизмещение – 70 327 тонн; количество палуб... – он сделал паузу и с нескрываемым сожалением произнес, да так, словно вынес обвинительный приговор: – только семь; силовая установка – девятицилиндровый дизельный двигатель; мощность – 130 000 лошадиных сил...

– Это много или мало?

– По современным меркам очень мало. Скорость – 31 узел; максимальное количество пассажиров – 1756, а экипаж и обслуживающий персонал – 1015. Лайнер дважды реконструировался, последний раз в 2001 году. В 1983-м на судне тоже были проведены глобальные изменения: вместо паровых двигателей были установлены девять дизель-электрических, что существенно снизило расходы на топливо. Да и жилые помещения для пассажиров улучшились. У тебя хорошая каюта?

Стелла растерялась от неожиданного вопроса – только молча качнула миниатюрной головой: ее привлекательные кудряшки сразу ожили и зашевелились.

– Да, не жалуюсь, – деликатно после паузы откликнулась она и задержала свой взор на Джонни, чтобы определить, доволен ли он ответом.

– А мне досталось подсобное помещение: родители сэкономили не только на мне, но и на себе – могли бы раскошелиться и на самый современный, самый и комфортабельный лайнер – все-таки не каждый год отправляемся в такие круизы. Правда, бывшую подсобку немного переделали, привели в порядок, видно, только перед моим заселением появились шкафы, полки, кровать... Но всё равно как-то неуютно, совсем не то, на что я рассчитывал.

– Сожалею и сочувствую, – тихо произнесла Стелла и так взглянула на Джонни, будто во всем винила себя.

– Да нет, я не жалуюсь, но в гости пригласить не могу.

– А ты лучше ко мне приходи: я одна. И просторно. Джонни не мог не обрадоваться, и его глаза повеселели.

– А ты знаешь, что наш пассажирский корабль в последний раз пересекает океан? Это устаревшее легендарное судно станет роскошным плавучим отелем торгово-развлекательного центра. За время своей жизни лайнер совершил 25 кругосветок, пересек Атлантику более 800 раз, прошел 5,5 миллиона миль, это 13 расстояний до Луны и обратно! И еще, его услугами воспользовались более двух с половиной миллионов пассажиров!

– Откуда ты всё знаешь?

– Интернет: я с ним давно на «ты». К тому же я ознакомился со специальным стендом в холле и рекламным буклетом.

– У тебя еще и отличная память.

– Не жалуюсь. А еще наблюдательность. Когда я увидел твои синие глаза, сразу подумал, что ты очень часто путешествуешь, поэтому от моря они и стали такими – ведь всё взаимосвязано и передается.

На этот раз уже Стелла приятно смутилась: но справедливость дороже.

– Выдумщик ты: они с рождения такие.

– Посмотрим в конце рейса. Вдруг изменятся и станут голубыми или зеленоватыми, а может, еще более темными, как морское дно.

– Если ты окажешься прав, значит, ты сделаешь научное открытие.

– Конечно! Когда я стану взрослым, то что-нибудь придумаю и обязательно вылечу тебя. Вот увидишь! Главное, захотеть и загореться желанием.

– Спасибо тебе за подаренную надежду. Доброе у тебя сердце.

– Значит, дружба навек? – обрадовался Джонни и, не дожидаясь ответа, протянул руку. После горячего рукопожатия он подкатил притаившуюся за креслом коляску.

Он помог Стелле пересесть и с радостью помчал ее по пустой палубе. Сильно толкая удалую «карету» на четырех колесах, он резво догонял ее и еще быстрее разгонял. Как она лихо летела по ровной сверкающей дорожке, которая превратилась в скоростную автостраду. Стелле понравилось, она визжала от восторга, а проворный толкач и не думал останавливаться. Только запыхавшись, они остановились в тупиковой корме, где нашли приют в тихой сказочной гавани, куда их забросил совместный полет озорных мыслей, они долго благодарно смотрели друг на друга, а в зрачках словно факелы горели сияющие огоньки. Два синхронных сердца с радостью бились в непосредственной близости друг от друга и обменивались мерцающими сигналами, а приоткрытые рты с наслаждением громко дышали, потому что им не хватало свежего воздуха. Расставаться им уже не хотелось.

Так состоялось неожиданное знакомство, и началась их первая совместная экскурсия по вечернему лайнеру. Но это было только начало крепкой дружбы.

Уже на следующий день Стелла вернулась к вчерашнему разговору.

– Ты знаешь, меня очень насторожила твоя фраза: «последний рейс». Есть в ней что-то роковое и устрашающее.

– Я и сам-то обеспокоен. Мне кажется, что скоро что-то произойдет. Но что конкретно и когда? И что нам предпринять? Тут придется рассчитывать только на себя.

– А что я могу, – ее взгляд метнулся к неподвижным ногам.

Но одержимый Джонни заинтриговал ее.

– Можешь, и очень многое. Ты только подожди, я дам знать.

Сентиментальная Стелла про себя согласилась ждать сколько угодно, лишь бы в нужный момент стать полезной: ведь ей еще никто в жизни так не доверял.

Они часами вместе любовались бескрайними морскими просторами, сравнивая их с небесными, и находили много общего. Наслаждаясь представшей красотой, теперь Джонни по-иному смотрел на мир и был уверен, что с хорошим человеком можно трогательно и душевно молчать, – но только не скучать – на любую тему. Отныне его взволнованная душа была настроена только на лирическую тему. Такое с ним случилось впервые, поэтому он не знал, что же с ним происходит и что на самом деле творится в его юной душе и в переполненной мыслями голове.

«Да, да, и молчание может быть многословным. Как же хорошо мы понимаем друг друга».

Начитанная Стелла прекрасно понимала, что детям свойственно всё преувеличивать, потому что они еще маленькие и лишены жизненного опыта. Однако у них, у Джонни тоже, – теперь она часто задумывалась о нем – всё еще впереди. Вся жизнь!

Вдруг появилась Кэтти, и своим неурочным визитом нарушила роскошную тишину. Она беспардонно кашлянула – словно грубо крикнула – и сразу с глупым вопросом:

– А что вы тут делаете?

Лишившись царившего вокруг блаженства, Джонни возмутился.

– Скучаем. Неужели не видишь?

– Мне тоже скучно. А можно я с вами?

– Нет. Мы очень серьезно скучаем – тебе это не понять и не оценить: не созрела еще. Любой нормальный человек должен видеть наши мучения и страдания. Почему же тебе это не дано? А мы из мучеников скоро превратимся в святых и улетим на небеса. Мы уже близки к этому, а ты со своими глупостями. Есть в тебе неизлечимое качество: всё портить и крушить. – Кэтти обиженно надула губы, а ощутивший свое неоспоримое превосходство брат хладнокровно добивал ее: – Шла бы ты отсюда, юная заблудшая овечка. У нас всё солидно, по-взрослому и как-то не хочется иметь дело с детворой. Ты уж лучше дуй по ветру к маме, к папе... Они тебя утешат и избавят от скуки.

– Да я только что от них, а они послали меня...

– И правильно сделали. Думаю, не ко мне, а гораздо дальше?

– Ошибаешься. Именно к тебе.

– Посмотрела, убедилась, успокоилась? Можешь возвращаться.

Она с нескрываемой обидой удалилась, а Джонни и Стелла снова погрузились в приятные раздумья. Сколько же они испытывали радости, молча общаясь друг с другом и с легким разговорчивым ветерком. Неожиданно Стелла нарушила взволнованную тишину:

– А ты на каком лайнере хотел бы сейчас очутиться?

Вопрос приятной дамы – для рыцаря закон, и юный друг сразу оживился.

– На самом крупном круизном судне *Oasis of the Seas*. Представляешь, у него 16 палуб, а водоизмещение – 225 тысяч тонн! На этом лайнере-рекордсмене оборудованы поля для гольфа, баскетбольные площадки, стена для скалолазания и каток с искусственным льдом, всегда открыты десятки магазинов, баров, кафе, ресторанов, где представлены почти все кухни мира, работают казино, парк аттракционов и другие развлекательные центры.

– Да-а, с таким обилием развлечений не соскучишься, – с восхищением отметила Стелла, с трудом представляя эту громадину.

– Ты только представь: длина судна – 361 метр, ширина – 66, а его высочайшая точка возвышается над поверхностью воды на 72 метра. *Oasis* на сорок процентов больше любого другого круизного судна в мире. Он в пять раз превосходит по размерам «Титаник» и может вместить в 2704 каютах 6360 пассажиров и 2160 человек экипажа.

– Это же целый городок!

– Не просто плавучий город, а город-сказка! Судно оборудовано шестью двигателями – тремя 12-цилиндровыми и тремя 16-цилиндровыми, что позволяет развивать скорость до 22,6 морского узла.

– Да, впечатляет! – покачала головой Стелла, а Джонни продолжал удивлять ее:

– Погоди. Вот станешь взрослой – и я устрою тебе круиз вокруг мира. А впрочем, в большое плавание можно отправиться в любом возрасте. Мы побываем на всех континентах, посетим многие страны. Тебе обязательно понравится.

В этом Стелла уже сейчас не сомневалась, а вот относительно претворения этой фантастической мечты, вспыхнувшей вдруг в ее мечтательной душе и загоревшемся сознании, почему-то не очень верилось. Ведь сколько лет предстоит ждать, а за это время многое может измениться и даже забыться. Однако уверенный взгляд Джонни родил надежду, он говорил об обратном, и ей хотелось ему верить. Оказавшись в плену его наивного, но очень трогательного искреннего обаяния, она даже хотела приятно обманываться, только бы никогда не расставаться с этой недетской сказкой, придуманной талантливым фантазером.

Мимо них проходила улыбающаяся пара – Стелла своим пристальным взглядом невольно заставила Джонни обратить на них внимание. Они не только шикарно смотрелись, но и подходили друг другу.

– Это наши соседи за столом, – пояснила Стелла. – Вот у них настоящий круиз, свадебное турне. Какие они счастливые! Как я им завидую! – призналась она, наблюдая, как

степенный молодой человек бережно держит локоть и сдерживает свою жену, готовую веселиться, прыгать, плясать, танцевать.

– Не завидуй, еще неизвестно, чем всё это закончится, – с видом многоопытного зна-тока заключил Джонни, хотя в душе признал, что хотел бы оказаться на его месте лет через 6–7.

Глава 8

Спустя два часа, только Джонни расстался перед обедом со Стеллой, как встретил около бассейна, кишачего счастливыми детскими телами, напоминавшими разноцветных рыбок, прогуливающуюся сестру.

«Опять она, моя назойливая тень! Ты снова рядом, как будто мы не расставались. Она меня достала уже! – возмутился Джонни. – И почему она не в воде: глядишь, я помог бы ей вдоволь нахлебаться».

Теперь Кэтти хоть и пребывала в незавидном одиночестве, но держалась неприступно и важно, будто к ней и вправду кто-то собирался пристать. Но таких глупцов пока не нашлось. Для них же лучше, признал беспощадный Джонни, всем своим пренебрежительным видом показывая, как же она ему надоела. Вот так он проявлял всю накопившуюся злобу и месть за ее подленькие мысли, длинный язык и желание поучать.

«И правильно делают, что демонстративно игнорируют ее», – признал брат, но ему не удалось проскользнуть мимо: он сразу попал в поле ее острого зрения с тупым углом обзора. Она с умным видом подошла к нему так близко, что у бедного Джонни родилась страшная мысль: неужели, чтобы больше никогда не отстать?

«И чего ей от меня надо? Я же не магнит и не липучка, чтобы ко мне приставать!»

А она приподняла зонтик и продемонстрировала ярко и безвкусно покрашенные брови и веки, что, по мнению брата, нисколько не приукрасило ее, а только до ужаса обезобразило и исказило.

«Видать, решила сделать меня зайкой. Пусть считает, что ей это удалось, – может, отстанет».

Он изобразил на лице сильный испуг и собирался уже с легкой душой испариться, но она ехидно улыбнулась и съязвила:

– Дорогой братец, в тебе столько глупостей, что невольно приходится сомневаться: осталось ли место для чего-нибудь другого. Надеюсь, отсюда ты не сбежишь, как три месяца назад?

– Да ради тебя и от тебя, Кэтти, с удовольствием сделал бы это...

– Не сомневаюсь. Одна беда: некуда – кругом океан.

– Ошибаешься. Да от твоих домогательств куда угодно улетишь, хоть к черту на кулички. Ты только намекни: когда и куда. Я всё исполню и даже обвинительную записку не оставлю.

Назойливая сестра продолжала еще что-то назидательно лепетать, но для него она уже безвозвратно исчезла, растворилась вместе со своим докучливым словоблудием, так как он с великой радостью вспомнил свой тайный побег и полную свободу, которую ощутил вне дома. Взрослые парни собрались в Шотландию, где собирались потренироваться и провести соревнования на серфинге, а затем устроить массовый полет на парaplанах. Джонни не мог упустить такую возможность – и махнул с ними, сообщив, что родители разрешили ему. Неделя, проведенная в диких условиях, когда он был на равных не только с необычно хмурой и скудной природой, но и с мужественными парнями, показалась ему просто фантастической. Это были лучшие дни в его короткой и в целом далеко не скучной жизни. Он почувствовал себя там не каким-то человеком-пауком – таких оказалось немало, и все они были наделены необычными редкими способностями, – а экстремалом и этому состоянию души безмерно радовался. Еще бы! Он ощущал себя человеком-птицей, который обретал полную свободу, когда кружил и смело парил над крутыми обрывами и угрюмыми горами, приветливыми зелеными долинами и небольшими лесами, гостеприимным побережьем и даже над кусочком беспокойного моря. Дух захватывало во время впечатляющего полета,

когда он сливался с северной природой, был ее маленькой, но гордой частью и от счастья терял счет времени. Сроднившись с соратником ветром, он стремился к необъятным небесам, ощущая себя в этот затянувшийся от удивления миг царем птиц и властелином застывшего мира, потому что он выше всех! Облака, солнце и звезды в расчет не брались, поэтому он с ними не соревновался, а заключил нерушимый союз.

Погрузившись в приятные воспоминания, Джонни не расставался с ними весь день. Теперь он был во власти тех захватывающих ощущений, которые с небывалой радостью проснулись в нем и настойчиво напоминали, что есть и другой мир, и ты знаешь, где он находится. Стоит только очень захотеть.

Подводя в мягкой постели итоги очередного круизного дня, удовлетворенный Джонни отметил: «Я и сейчас с радостью оказался бы там: среди старых и новых друзей, которые давно подружились с дикой природой, и их не пугают ни трудности, ни загадочная неизвестность. Как нравятся приятные случайности, рожденные на полюсах сюрпризных крайностей!»

Глава 9

Но загадки поджидали его и здесь. Уже на третий день Джонни случайно обнаружил, что его соседями по каюте оказались те самые подозрительные типы, которых он сначала выделил в толпе, успел скоропалительно заподозрить в преступных замыслах, а потом в них разочароваться. Их служебное помещение оказалось крайним в коридоре, поэтому не очень бросалось в глаза среди кают первого класса.

После обеда возвращаясь из библиотеки, Джонни издали приметил знакомые силуэты и очень удивился: «Ничего себе! Неужели они вышли из его каюты? Для краж обед – самый подходящий момент. Но что им надо?» – заспешил он, терзаемый большими сомнениями. Но братья внезапно испарились: словно сознательно воспользовались другим выходом.

«Уж больно подозрительно резво скрылись! Значит, есть серьезные основания».

В трепетной душе Джонни затеплилась приятная надежда: теперь они снова – одной малюсенькой ошибкой, крошечной оплошностью – вызвали к себе профессиональный интерес. Однако, внимательно изучив соседнюю дверь, сыщик пришел к выводу: «Выходит, они тут обосновались. Так это к лучшему: теперь я с них не только глаз не спущу, но и уши наострую».

Чтобы отвлечься от нахлынувших мыслей, будораживших его воображение, Джонни стал листать библиотечную книгу и невольно заинтересовался морскими узлами. Сидя в кровати, он внимательно рассматривал рисунки и пытался запомнить сложные названия. «Беседочный, может заменить огон, используется для подъема и спуска людей. Двойной беседочный – подобен одинарному: применение то же. Брамшкотовый применяется для связывания шкотов в шкотовые углы парусов и пластырей, для связывания двух концов троса одинакового диаметра при поднятии небольших грузов. Выбленочный – для вязки выбленок к вантам и закрепления концов троса за середину другого троса или дерева. Гаечный и двойной гаечный – для закладывания толстого и тонкого троса. Калмыцкий, весьма практичный и надежный быстро развязывающийся узел, применяется для крепления бросательного конца к огону швартового троса. А еще бывает констриктор – его не развязывают, а разрубаят. Далее следовали кошачьи лапки, плоский, прямой, пьяный...»

«Таким, наверно, связывают буйных матросов! – решил он, представив почему-то своих соседей, проявивших в пьяной агонии буйную агрессию. – Не советую, а то мы на вас быстро управу найдем», – на всякий случай предупредил покосившийся на перегородку Джонни, прекрасно понимая, что мысли передаются на расстоянии и имеют свойство материализовываться.

Когда продолжил чтение, то удивился своей проницательности. Этот узел с двумя затягивающимися петлями действительно использовался по смысловому назначению – для умирения не в меру разгулявшихся моряков. «Надо же, как я угадал. А впрочем, для меня это такая мелочь!»

Затем узлы перечислялись по порядку: рифовый, рыбацкий, рыбацкая восьмерка, ступенчатый, стопорный... А затягивающую удавку иногда называют эшафотным узлом. «Это тоже для них и таких как они. Так что ведите себя пристойно: не советую опробовать на своих шеях», – посоветовал он им и снова углубился в чтение.

Совершенная петля, удавка для подъема тяжестей или бревен, фламандский, хирургический, шкотовый, шлюпочный, задвижной, простой штык, рыбацкий штык, штык со шлагом. «Фу! – выдохнул Джонни. – Нет, никогда мне не быть моряком, потому что невозможно запомнить всё это, чтобы применять на практике».

– Ошибаешься. Есть такие, которые прекрасно в них разбираются, – опровергнул его внутранный голос. – Так что работать надо над собой и запоминать. Пригодится.

Глава 10

Чтобы хоть как-то убить время, Джонни вышел на прогулку: душа требовала каких-нибудь событий, действий. С ознакомительной целью он заглянул в супермаркет и поразился обилию товаров. «Глядя на всё это и на многочисленных покупателей, складывается впечатление, что нас тут не кормят».

В голове Джонни замельтешили мысли, которые были созвучны с его внутренним голосом: в этой толкучей пестроте в первую очередь бросаются в глаза отчетливые черты человеческой суетности и людской нужды, в этом фантастическом хаосе ярче, чем где-либо, ощущается и проявляется всё сумбурное многообразие нашего материально-натурального мира. Перед глазами всё бессмысленно кружилось и мельтешило, ему хотелось закричать:

– Люди, опомнитесь, зачем вам всё это лишнее? Вспомните, как жили ваши далекие предки.

Однако он понял, что эти убогие людишки, отравленные страстью приобретения впрок, его не поймут. Наоборот, даже грубо осудят: кто словом, кто взглядом.

«Ну что же, тем хуже для них», – признал Джонни, не посчитав необходимым перевоспитывать их в данный момент. Лично его ничто не соблазнило в этом бесконечном беспорядке разложенных товаров, и он с радостью выскочил на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Но видимые и тайные завлекалки, которые и рассчитаны на человеческие слабости, всегда присутствуют где-то рядом: их множество, они хорошо рекламируются – если тут не удалось тебя заманить и опустошить твой кошелек, то здесь-то ты точно попадешь в их расставленные сети и цепкие лапы зла. Таков закон наживы!

«Все негодяи пользуются исключительно негодными средствами и методами. Отними у нас горы чужого или даже ограбь, и никто не возмутится, а попытайся отнять у нас каплю своего – и может начаться война».

Скромный и безобидный на вид мальчишка, на которого никто и внимания не обращал, сделал всего несколько шагов, как его заинтересовала соблазнительная вывеска «Казино». Он сразу загорелся идеей проникнуть внутрь и внешне преобразился. Ведь запретный плод сладок, особенно для мужающего подростка, каким он себя видел со стороны, поэтому Джонни без раздумий ринулся туда.

Важно прохаживаясь по сверкающим залам, он ни разу так и не мог встретиться взглядами с теми, кто уже давно болен неизлечимым азартом, а также теми, кто еще совсем недавно заражен этим опасным недугом, – находясь в плену игрового запала, они так увлечены, что им дела нет до других, тем более до какого-то мальчика, заскочившего сюда на несколько минут. А чтобы тут оказаться, Джонни пришлось тоже прикинуться больным и придумать легенду о потере своих родителей, которые давно ушли играть и до сих пор не вернулись. А ключи от номера у них. Сердобольным охранникам стало жалко беднягу, и они разрешили ему поискать своих беспечных предков. Время – деньги, а с деньгами – не до времени... Даже на родного сына его нет.

И он устроил себе познавательную экскурсию. У крайнего игрового стола Джонни обратил внимание на высокого молодого человека с худым бледным лицом и застывшими стеклянными зрачками: он напоминал обреченного человека, для которого весь мир был потерян. Да, в этот миг для него существовал только один бешеный шарик, крутящийся по разноцветной рулетке. Джонни пригляделся и с трудом узнал того счастливику, который с юной женой-красавицей совершал свадебное путешествие. Жаль, что она и Стелла в этот момент не видят его – здесь он совсем другой. Думаю, они разочаровались бы в нем. Как мало человеку надо, когда он в плену фанатичного азарта, отметил про себя удивленный

Джонни, не отрываясь от сосредоточенной и немного искаженной физиономии, она вытянулась в томлении, а приоткрытый рот готов воскликнуть и предупредить: сейчас решится его судьба.

Но постороннего наблюдателя это совершенно не интересовало. Что касается его, то он действительно слишком юн – Джонни благоразумно признал это, – но не глуп, к тому же карман его пуст, а то бы это безжалостное заведение, не знавшее ни стыда, ни совести, ни морали, и его с радостью обчистило бы. Поэтому вывод объективного исследователя был однозначен: это заманчивое и очень сомнительное занятие – явно не для него.

«Нет уж, господа хорошие, увольте! Даже не просите и не уговаривайте, – резвился он про себя. – Если у игорных заведений и есть душа, то она с жадностью так и тянется к чужому кошельку и добру... своих слабовольных клиентов».

Но тут в защиту их вступился внутренний голос:

– Не суди и не судимым будешь.

– Я не Бог и не судья: им самим решать, как распорядиться своей жизнью и судьбой.

А что это ты выступаешь в качестве защитника этих бессовестных обдирал? Может, тебя купили? – Ответа не получил. – Вот и помалкивай.

Перед глазами еще мелькали рулетки, игральные столы, карты, шарик, автоматы... и всё это преподнесено в привлекательной ярко-золотистой окраске, цвете соблазнительного золота. А этот металл избирателен: далеко не всех любит. После коротких раздумий он вместе с собственным «я» заключил: «Лично мне требуется не пламень необузданного азарта и опасный полет без страховки, а обыкновенное стороннее созерцание, чтобы потом обойтись без искреннего сожаления. За короткое время я уже насмотрелся на чужое страшное горе. Даже чья-то временная удача уже сегодня или завтра может обернуться катастрофой». Он юным умом понимал это, поэтому пустить на бесполезное развлечение крошечные карманные деньги, припрятанные в каюте, у него даже в мыслях не укладывалось. Хотя однажды он сказал отцу: «Пап, не пытайся сделать меня слишком хорошим. Лучше сделай меня богатым, а уж счастливыми я и без тебя стану». Но он и на этот раз не услышал его, как и тех, кто продолжал обманывать себя, что они самые удачливые и им непременно когда-нибудь повезет. А вот Джонни с однорукими и прочими «бандитами» не только никогда не дружил, даже не знаком с ними, да и лотерея не для него.

Он направился к выходу и с каждым шагом поражался вроде бы сияющему и в то же время размытому туманному окружению: не люди, не личности, а сплошная расплавленная серая масса, в которую превратил всех присутствующих игровой азарт. Дети во многом учатся у взрослых, а лучше бы наоборот.

«Азарт – порок!» – сказал себе шальной игрок и тут же сделал роковую ставку.

«Какое у этого безумца открытое лицо!» – удивился Джонни, глядя на взлохмаченного парня с красными глазами.

Снова вмешался внутренний голос:

– А лицо это зеркало даже закрытой души.

И вдруг после выкрика крупные цифры 37 эта живая тягучая масса начала расслаиваться и выделять из своего скучного однообразия сначала расплывчатые, а потом более четкие очертания сияющих счастливых личиц – но их оказалось только двое. Однако и они выглядели совершенно разными, но всё равно бросались в глаза на фоне понурых с одинаковыми тусклыми физиономиями неудачников – внешне все они казались жалкими копиями самих себя и друг друга, поскольку не достойны быть живыми оригиналами. Изредка встречались и особенные типы, видимо, представлявшие новую струю и свежую кровь в игорном бизнесе. Благодаря им общая невзрачная картина частично видоизменялась: вместо однотипных масок безумия снова встречались относительно спокойные и «трезвые» лица – не успели еще безумно захмелеть и одуреть от соблазнительного или зомбированного азарта.

На глаза Джонни снова попался молодой жених: теперь его покореженное лицо и взлохмаченные каштановые волосы на маленькой голове демонстрировали прическу под названием «всеобщий хаос». Видимо, она в полной мере отражала то, что творилось внутри, в его воспаленных мозгах. А рядом уже стояла прелестная жена в ярком красном платье – зачем она здесь, в этом грязном, хотя и внешне сверкающем, порочном заведении? – и с нескрываемым беспокойством дергала его за рукав, чтобы он вовремя остановился. Но он всё же сделал роковую ставку. Джонни уже прошел мимо, но в самый последний момент что-то заставило его резко обернуться. Неожиданно для себя он увидел в руке обреченного игрока огромный блестящий пистолет, приставленный к виску. Невольно из юной души вырвалось:

– Стой!

Но самоубийца не услышал ее спасительного призыва: прозвучал оглушительный выстрел, родивший панику. Они упали одновременно – он сраженный насмерть, а жена – в обмороке. Юный свидетель подбежал помимо своей воли – перед глазами только кровь, много крови: на виске, на столе, на фишках, на крупье и других игроках... Все перепачканы, только неподвижная белолицая жена оставалась невинно чистой, будто случайно оказавшись здесь, давно уже отключилась от этого жуткого мира. А теперь она даже не догадывается, что ей предстоит пережить, какая страшная трагедия ожидает ее после того, как очнется. В узкой груди всё сжалось, Джонни искренне пожалел эту молодую вдову, но облегчить ее горе он не мог. В его тяжелой голове замельтешили мысли: «А говорят, деньги не пахнут. Еще как пахнут, если на них столько крови!»

Покинув казино, Джонни дал себе слово, что впредь подобные заведения будет обходить стороной.

Потрясенный от увиденного, он всю ночь не спал: перед глазами стояла эта страшная кровавая картина, словно требовала от него каких-то решительных действий.

«Ну что я сделаю? – оправдывался он. – Была бы моя воля – я, даже не задумываясь, закрыл бы эти заведения. Однако если они работают, значит, кому-то это выгодно».

За завтраком наблюдательная мама сразу обратила внимание на него.

– Джонни, что с тобой? Ты не заболел?

– Ничего. Просто не выспался.

После столовой Джонни первым делом направился в казино, а там словно ничего и не произошло. Он не просто удивился, а поразился от сквозившего там цинизма: всё безразлично крутится, блестит, сверкает...

– И вы еще смеее после вчерашнего работать?!

– А что особенного? – пожал плечами упитанный охранник с плоским и круглым как скворода лицом.

«Ну ты и толстокожий! А впрочем, других здесь просто не берут».

Глава 11

Вечером, услышав, как грохнула соседняя дверь, юный сыщик сначала обрадовался, затем насторожился. Пора действовать, смекнул он и приложил к тонкой перегородке пустой стакан, а сам прижался к нему бдительным ухом: слышимость оказалась великолепной! Вот что значит читать хорошие детективы – там не только смерть и кровь, но и немало полезного!

– Ну и денек сегодня! – донесся усталый и немного сиплый голос.

– Ой, Фреди, мне тоже досталось с этим банкетом. Шеф замучил меня: то ему принеси, то отнеси, приготовь ему это, потом второе, третье... И всё срочно, быстро, бегом...

– Ничего, брат, скоро мы всех поставим на уши и сами будем командовать. Представляешь, мы станем самыми богатыми на побережье. Мы скупим всё и вся!

Пораженный Джонни не удержался и мысленно высказался: «У всех нормальных людей дважды два четыре... а у них в уме всегда миллион! Все мы мечтаем выйти в люди, но не знаем, как потом выйти из этого блаженного миража».

– Фреди, а может, не стоит выпячиваться – мы же не рахиты! Лично я предпочитаю скромно, но со вкусом.

– Билл, ты что, дурак? Чего мелочиться. Даже тузы мечтают стать козырными. А впрочем, ты прав: зачем тебе так много, когда ты сам ничто?

«Вот и познакомились», – по-соседски обрадовался Джонни. Но следующая фраза вызвала в нем взрыв восторга.

– С таким богатством – и скромно? Не получится, даже если очень захочешь. Твоя глупая рожа сразу всё выдаст.

– Это почему же? – последовала обида.

– Да потому, что она предательница: на ней всё написано.

Услышав о богатстве, сердце Джонни заколотилось так сильно, что он даже испугался: как бы барабанная дробь в груди не выдала притаившегося за стеной сыщика. Но разум подсказывал: «Все верят в сказки – взрослые не исключение, – но у каждого свои цели, задачи, мотивы... и свой конец: у одних печальный, у других счастливый».

Однако утихомирить взыгравшее от бурного трепета сердечко оказалось не так-то просто, поэтому ничего не оставалось, как внимательно слушать и запоминать каждое слово. Он даже представлял, что происходит за стенкой. Послышалось бульканье жидкости, звон стаканов и короткий тост:

– Когда мы выйдем в свет, пускай для нас всегда горит зеленый цвет.

Возражений не последовало, а только оживленное причмокивание и возгласы довольства после того, как они с наслаждением выпили. Хотя у сыщика это вызвало обратную реакцию: чтоб вы лопнули от этой гадости.

– Фреди, ты меня сегодня удивляешь. Зачем тебе так много денег, если когда-то всё равно придется умирать?!

– Дело не в них и не в их количестве, а в уважении к ним. Как я буду к ним относиться – так и они ко мне. Поэтому лично я за крепкий и нерушимый союз. А с бабками я всех уважать себя заставляю... Они у меня еще поплачут.

Джонни был иного мнения и про себя честно отметил: «Конечно, деньги для любого человека важны... – И тут же внес существенную поправку: – А уважать себя можно и без них».

– А виски неплохой, – с удовлетворением признал Фреди.

Брат согласился и оживленно предложил:

– А теперь давай за успех нашей операции.

Снова последовало бульканье, звон и удовлетворенные возгласы. Вскоре кто-то чиркнул спичкой и закурил. Судя по следующей фразе, нарушителем противопожарной безопасности оказался Фреди.

– Надо бы прихватить с собой пару коробок сигарет. Не лишать же себя в неволе хоть какой-то радости.

– А может, лучше ром? – предложил Билл, чем выразил свое спиртное пристрастие. – Без курева можно обойтись, а ром он и в Африке ром!

В их спор мысленно вмешался Джонни, который всегда резко осуждал вредные для здоровья пристрастия: «У каждого свои вкусы: одному нравится палитра, другому – поллитра. И чему только вы учите детей? Они же повсюду!»

– Уговорил. Чтобы не спорить, тогда пополам. И давай сразу договоримся: я буду старшим, а ты – моим верным помощником.

– Почему ты? – справедливо возмутился Билл.

– Да по кочану. Не изображай из себя дурака, когда на роже твоего тупого лица всё давно написано. Сколько раз тебе можно об этом говорить? Как ни крути, но в велосипеде главным остается руль!

– А как же демократия, права, обязанности, плюрализм мнений?

– Права имеют все, но правы только единицы, – Джонни представил, как Фреди убедительно показал на себя. – Плюрализм – это возможность плюнуть на мнение другого, иногда прямо в лицо! Для убедительности своей точки зрения. Возражения есть? Мочишь? Поскольку против ты один, поэтому принято единогласно. И не вздумай возражать. Ты посмотри, что вокруг творится. Ужас! В людях столько хорошего и плохого, что во время грабежей и разбоя даже не знаешь, что с них взять. Иногда такие сомнения охватывают, что становится самого себя жалко.

Безразлично слушать такое Джонни не мог и невольно в очередной раз встрял в диалог старших:

«Если причинно-следственную связь лишить устойчивой связи, то преступность удастся парализовать. А с преступниками-паралитиками, думаю, гораздо легче справиться. Только, к сожалению, никто этим не занимается».

Но они через стенку не услышали его правильных мыслей. А события в соседней каюте накалялись, поскольку непримиримый Билл и не думал сдаваться, он подошел к этому серьезному вопросу с другой стороны.

– Хотя ты мне и брат, но гены у нас разные.

– Это как?.. – профырчал Фреди с набитым ртом. Чуть не подавившись, он вскочил и забегал взад-вперед, угрожая налившимися злостью глазами в любой момент взорваться изнутри. Но и выплюнуть драгоценное содержимое не мог, поэтому терпел до последнего, а потом проглотил всё разом и громогласно раскашлялся. Билл несколько раз с удовольствием кулаком огрел его по спине, чтобы тот пришел в себя и в состоянии был выслушать его умные мысли.

– Да очень просто: ты далеко не гений.

Тогда слишком обидчивый брат поднес к чувствительному носу Билла кулачище – тот сморщился и молча шмыгнул.

– А близко видишь?

Несмотря на очевидное косоглазие, не заметить его было просто невозможно. Но есть еще язык-забияка, и Билл с легкостью пустил его в ход.

– Когда не хватает ума, прибегают к насилию.

– Ну хорошо, будешь не помощником, а заместителем. Так что пользуйся моей добротой и радуйся своему повышению. Прошу не расслабляться: еще раз проверь по списку – может, что-то упустили? Вдруг нам придется задержаться... на неопределенный срок.

– Не дай бог. А впрочем, всё может быть: карте-то более двухсот лет!

– Тс-с! О ней ни слова. Сколько раз тебе говорить об этом. А ты как напьешься, так становишься болтливым бараном.

– А ты трусливым ослом. Не будь ослом, неужели, тебе мало быть свиньей?

– Что ты прошепелявил? Я хоть человек культурный, но деликатничать не стану. Деликатность это настолько тонкая и нудная наука из области этикета, что сейчас многие предпочитают обходиться без нее.

– Это почему же?

– Если, к примеру, дать тебе в глаз, то у другого обязательно родится черная зависть. А я не люблю завистливых: у меня на них буйные кулаки чешутся.

Притаившийся Джонни размышлял: «Какие же люди разные и злые. Даже не знаешь с какими зверями дружить, а от кого держаться подальше. Что касается моих «милых» соседей, то их нельзя любить: их можно только ненавидеть».

– Сколько раз тебе говорить: гусь свинье не товарищ, – торжествующе объявил Билл и вскоре пожалел об этом.

– Что? И как только твой поганый язык мог сказать такое! И на кого, на старшего брата?! Да я тебя...

– А я тебя, ты не смотри, что у меня узкая грудь, за мной стоит широкая спина!

К радости тайного свидетеля, последовала почти бессловесная драка, которая сопровождалась визгом, невнятными криками и сопением, но так и не выявила явного победителя, поскольку, судя по репликам, прилично досталось обоим. При подведении печальных итогов семейного сражения они в выражениях не стеснялись.

«А вы как думали? Коль в ход пустились кулаки, то вместо истины родятся синяки. Мат короля или мат королю – во всех отношениях его не красят. А вы, никчемные пешки, не слишком ли много себе позволяете? Быстро же вы заводитесь, – пришел к выводу Джонни. – Маленькие шалости могут очень болезненно отражаться даже на больших людях. Так вам и надо».

А спустя минуту он вынужден был признать, что они так же быстро и мирятся. Правда, обида у Билли нет-нет да и проскальзывала.

– Какой же ты все-таки... Не хватает в тебе общей культуры, такта, эрудиции, широты мышления.

– Лично мне хватает. Вот только денег не хватает, да и раньше никогда не хватало. Сколько мне платили на свободе? Жалкие гроши! Сейчас, чтобы ничего не делать и красиво жить, такую конкуренцию приходится выдерживать!

Билл с ним полностью согласился:

– Из ничего порой можно сделать такое!

Фреди язвительно усмехнулся:

– Что совершенно ничего не останется в памяти. На такое только ты способен.

Да и Джонни не остался в стороне от этого затянувшегося диалога. Приложившись к стакану другим ухом, он выразился:

«Чем бы лентяи ни тешили себя и свое самолюбие, лишь бы другим не мешали заниматься тем же самым. Ох и пессимисты. Не оценивайте свою жизнь слишком дешево – она и так вас ни во что не ставит».

А старший брат продолжал сокрушаться:

– Если б миром правила госпожа Справедливость, то каждого проверила бы на вшивость. А у нас одним ничего, а другим – всё и сразу!

– Фреди, да кто ж с тобой спорит. У многих есть недостатки, когда живут не в достатке. Если твою душу ласкают только чужие кошельки, не пора ли обзавестись своим?

– Чем поступиться принципами, лучше поступить принципиально. Вороватых людей много, а приворывающих – еще больше. Поэтому все так бедно и живем, воруя друг у друга. Уж если сидеть, то за что-то, а вот за что – по большому счету и не так важно. Чем больше лазеек в законе, тем легче воровать. А если совсем нет лазеек, тогда кому нужен такой антинародный закон?

– Брат, я бы сказал тебе кратко, но, боюсь, ты меня не поймешь. Плевок в лицо, скорее всего, тебе скажет «нет», чем «да». Вот и подумай.

– Ах вон ты о чем. Раздельное питание подразумевает, что бедные и богатые должны питаться отдельно. А насчет культуры и воспитания, Билли, – не больно-то заносись, а то еще занесешь в свою башку какой-нибудь вирус или прочую заразу, потом не отвяжешься.

– Да я, когда сидел, столько всяких книг перечитал – в пору профессором стать. И стал бы, если бы не тяжкие судимости.

– Ой, ой, ой! Не возвышайся над толпой – может убить молнией.

Они снова чокнулись, хотя Билл вдруг отказался пить:

– Чтобы как следует выпить за здоровье, надо иметь просто могучее здоровье! А его у меня с каждым годом не прибавляется.

Но старший брат его уговорил:

– Один ум – хорошо, два – слишком много, а на троих – в самый раз!

Сыщик удивился: «Уж не меня ли он имел в виду?»

Облегчив свои души, они решили завалиться спать. Перед тем, как отключиться, Фреди выразил недовольство:

– Если пьешь, пьешь, а здоровья не прибавляется, значит, где-то утечка.

«Правильно мама говорила: рожденный пить рано или поздно будет ползать», – отметил бдительный Джонни и отключился от контроля. Лежа на спине, он с серьезной озабоченностью призадумался: над ним довели смешанные чувства какой-то глухой неразрешимой озабоченности и тягучего беспокойства. Теперь было не до сна. Еще бы: тут намечаются такие серьезные дела!.. – и почему-то хотят обойтись без него!

«Нет, братцы кролики, так дело не пойдет. Хотите вы или нет, но я обязательно буду в доле».

Его буйная детская фантазия рисовала самые различные варианты последующих драматических событий, которые, конечно же, всегда заканчивались удачей и безоговорочной победой. Но чтобы победить, надо упредить, решил он и наметил первоочередные планы на завтра. А перед сном поделился самыми интересными новостями со своей тетрадкой-неразлучницей, которой он доверял как себе. А поскольку себя он ценил, то прятал ее в надежном тайнике, чтобы ни одна душа не узнала о ней и ее содержимом.

Глава 12

Всегда строгие и чопорные родители не относились к числу романтических людей и во время разговоров, особенно при общении с сыном, не жаловали его добрым словом и похвалой, предпочитая использовать замысловатые восхитительные обертки из красивых фраз исключительно для послушной дочери. И уж тем более они не баловали его самими сладостями, а во время нравоучительных бесед сознательно использовали короткие и жесткие слова-сухари, такие как «нельзя», «запрещаю», «нет и еще раз нет», «ни в коем случае», «до каких пор»...

Пока обживались в каюте и знакомились с респектабельными соседями и уважаемыми людьми, им было не до сына. Когда спохватились, решили проинструктировать своего непоседу.

– Джонни, ты уже взрослый мальчик, я прошу тебя никуда не совать свой нос. Веди себя достойно и учтиво, особенно по отношению к взрослым. Чтобы мне не жаловались на тебя...

– А что, уже поступили? Интересно, в письменном или в устном виде? – поинтересовался он и уставился на сестру: она закатила к потолку глаза и отвернулась. Отец пригрозил пальцем, напоминаям дамский пистолет.

– Не дерзи.

– И не думаю. Мне и своих забот хватает.

Тут не выдержала мама:

– Сынок, я прошу тебя: только не выкинь что-нибудь такое... Думай, чтобы не пришлось потом горько сожалеть. Здесь на всё такие преysкуранты, что не расплатимся... Как бы не разориться.

– Не беспокойся, мамочка, мы Кэтти продадим. А не хватит – ее дорогие наряды пойдут с молотка.

– И в кого ты такой? – закачала она головой.

– В вас. – Мгновенно среагировал он и даже не заметил, как она бросила удивленный взгляд на мужа. – Дорогая мама, любая ошибка молодости имеет наследственность.

– Я же с тобой серьезно, как с взрослым, а ты... – расстроенная мама надула бордовые щеки, затем долго и протяжно выдыхала вместе с воздухом свое демонстративное недовольство, а Джонни подумал: «Жаль, что во рту не оказалось свистка – такое услышали бы!» Она пребывала в растерянном раздумье: какие подобрать веские аргументы, позволяющие убедить сына изменить свое поведение. Как же она мечтала и желала, чтобы он наконец-то стал тихим, домашним и примерным во всех отношениях мальчиком. Однако в одночасье перевоспитать его оказалось невозможно – она это прекрасно понимала, поэтому ограничилась обыкновенной материнской лаской, поцеловав его жесткую макушку. Но решительно настроенный папа стоял на своем:

– Дай слово, что мне не придется краснеть из-за тебя.

– Папа, ты же не помидор. Зачем тебе это? Одно могу обещать, что судно не взорву, не подожгу, на мель не посажу – мне и самому жить хочется. Всё, я побежал: дела, дела...

Он вприпрыжку помчался по сверкающей от чистоты палубе, а отец бросил в его спину грозный взгляд.

– Вот шалопай. И что из него получится?

И тут же в ушах прозвучал странный ответ озорного сына:

– Хочешь заглянуть в будущее – переведи часы на пять минут вперед. Для начала достаточно.

* * *

А время летело: иногда попутно с волнами и с набегавшим с севера ветром, а иногда и против часовой стрелки, сжигая не только расписанные по минутам события, но и дни, которые быстро складывались в недели. Пассажирам за месяц изрядно приелся запах судовых машин и соленого океана, поэтому они всё чаще высыпали на палубы и толпились вдоль бортов, вдыхая целебный морской аромат и обнадеживающий приятными воспоминаниями и романтическими представлениями чистый воздух. Невольно прислушиваясь к их деликатным разговорам, Джонни пришел к выводу:

– Когда людям говорить не о чем, они начинают хвастаться возрастом. У счастья свои интересы, вкусы и потребности, а у взрослых свои – вот они и не находят общий язык.

Ребятишки и подростки из разных стран быстро подружились и обычно играли здесь же: одни прыгали со скакалкой, другие соревновались в жонглировании мячом, третьи просто перебрасывали его по кругу, а некоторые азартно сражались в бадминтон. Серьезный Джонни не участвовал в этом, он как бы присутствовал в сторонке и с безразличием наблюдал за сверстниками. «Дети от природы пародисты: любят копировать родителей на людях».

Затем он с нескрываемым равнодушием переключился на свою сестру, около которой постоянно крутился высокий парень с крупной кучерявой головой и несимпатичными веснушками. Все поочередно что-то энергично рассказывали, смеялись, а этот американский блондин с постной физиономией и впалой грудью упорно молчал, будто дал зарок никогда не раскрывать рот или и вправду был немым. Однако во время игр он не в силах был сдерживать себя и изрекал отдельные звуки: «Э», «А-а?», «У-у-у!»

Когда Кэтти стала что-то спрашивать, молчун Гарри сразу напрягся, затем сник и растерянно ответил:

– О'кей!

«Надо же! У него есть язык!» – изумился Джонни и теперь с заинтересованным видом стал рассматривать его.

Сначала он показался каким-то ущербным и ненастоящим – больше походил на восковую фигуру, редкий экспонат своей супердержавы.

«Советую тебе, парень, хоть с чего-то начать. Отыщи в себе желание перебороть себя, слабого. Это не так просто. Если сомнения и неуверенность в себе не покидают тебя, то для начала объяви им войну, а потом борись, борись...» – мысленно поучал его Джонни, не страдавший такими недостатками.

И вдруг он услышал от тихони Гарри еще одно слово: «Вау!» Это было нечто, и Джонни откровенно порадовался за него: какой прогресс!

Увидев сына в гордом одиночестве, мистер Крег удивился и взмахом руки позвал его. Внешне он выглядел хладнокровным и учтивым, но горящие глаза и глубокая складка на переносице выдавали едва скрываемый гнев.

– Подойди ближе, несносный мальчишка. Джонни, на тебя опять поступила жалоба. Вчера ты так несея по палубе, что сбил с ног пожилую даму.

– Неправда. Я пронесся мимо – и ее сдуло ветром.

– Тогда почему ты стал извиняться?

– Потому что мы с ветром братья. Родные братья! А вот ей не повезло: она уже не дружит ни с детством, ни с ветром, ни с юмором. А вот кто ее истинные друзья, могу только догадываться и сожалеть.

– Я гляжу, за словом ты в карман не полезешь.

– Папа, ты же знаешь: в твой – никогда. Мне и чужих хватает. Не путай меня с чиновниками, которые страх как не любят воровать, зато взятки берут с превеликим удовольствием.

– Мне кажется, ты думаешь совсем не о том. Ты бы лучше детские книги, сказки почитал.

– Самая лучшая книга это книга жизни! Вот я и познаю ее: каждый миг это страница, а каждый день – очередная глава! Вот я и спешу впитывать. А то чуть задержишься в развитии – потом догоняй всю жизнь.

– Джонни, ты стал говорить загадочно, иногда даже афоризмами.

– Иной афоризм целой книги стоит! Поэтому учусь краткости в словах и четкости в делах.

Последнюю фразу он произнес так быстро и невнятно, что отец хотел уточнить, но на судне раздался какой-то грохот, и сын испарился.

Зато вместо него из-за спины белой тучкой выплыла неповоротливая жена.

– Что, опять не дослушал?

– Вот сорванец. Умчался как угорелый. Ему до всего есть дело. Я уже не знаю, как его воспитывать. Я всегда говорил, что дети – ускорители нашей жизни и смерти. Ой, быстрее бы закончилось это невыносимое наказание.

С другой стороны мистера Крега словно тень, хотя и в легком светлом платье, нарисовалась Кэт – оказывается, она до этого тоже пряталась за его спиной. Отец удивился: обложили со всех сторон, но сейчас его больше интересовала не собственная персона, а непослушный сын.

– Как же рано он повзрослел! И что из него может получиться?

Дочь не заставила себя долго ждать и высказала свою принципиальную точку зрения:

– Абсолютно ничего.

– Милая, Кэт, так не бывает. Нулей в природе и в обществе не существует. Что касается людей, то одни со знаком плюс, а другие – со знаком минус.

– А еще есть винегрет и салат. Так вот, из него вряд ли получится хоть что-то съедобное.

Отец только улыбнулся и полез за музыкальными часами на цепочке. Уточнив время, он обратился к жене:

– Дорогая, если уж мы заговорили о кулинарных блюдах, не пора ли нам на обед?

Глава 13

Океан по-прежнему выглядел спокойным и невозмутимым, как капитан судна, – видимо, водная среда обитания приучила морского волка быть таким, – словно специально испытывал терпение всех и прежде всего темпераментных людей, привыкших к экстремальным ситуациям. Он, как гигантский единый живой организм, сознательно казался утомительно скучным. И такое впечатление складывалось из-за однообразия представленных за бортом видов.

Но для Джонни главным было совсем другое: его безбрежность – ни начала, ни конца. Он устал разглядывать его в различных направлениях и в разное время суток: ни единого островка, ни единого намека на предстоящее возмущение и беспокойство. А как хотелось взрыва стихии или хотя бы приличного волнения и качки. Оставалось довольствоваться малым: надеяться и ждать.

Однако Джонни верил в свою удачу и каждое утро первым делом всматривался вдаль и утешал себя обнадеживающей мыслью: «Если не сегодня, то завтра уж точно. Я же провидец – а они никогда не лгут, даже себе».

А пока синий океан казался таким же бесконечным, как голубое небо, на едва видимом горизонте они постепенно сливались и смешивались, словно переходили из одного состояния в другое и вместе составляли невидимую полосу, которая являлась загадочной частицей непознанного человеком безграничного мироздания. И вовсе неслучайно они окрашены в такие цвета: природе, видимо, легче смешать эти родственные тона, чем, например, белый и черный, красный и зеленый...

Всюду, даже в столовой, распространялся приевшийся запах солоноватого моря, его разнообразной живности и бесконечных зарослей всевозможных водорослей. Пообедав без особого удовольствия, Джонни прошелся по безлюдной унылой палубе, однако, не найдя себе подходящего занятия, решил вернуться в каюту. Бесшумно проскочив в нее, он за перегородкой услышал голоса и тут же взялся за стакан. Для любопытных ушей даже глухая стена – не преграда. И вдруг его ошарашили угрожающие фразы-молнии.

– В таких делах главное – настроиться и действовать жестко. Никакой пощады!

«Ничего себе!» – удивился Джонни, а сам с радостью затрясся словно от легкой лихорадки в ожидании чего-то необычного.

Другой голос был не так категоричен.

– Я каждый день прокручиваю в голове нашу операцию: вроде бы всё продумано до мелочей. Но сидит во мне проклятая заноза недоверия – чего-то не хватает, будто заранее предупреждает: что-то обязательно помешает нам. А чего – сам не знаю.

– Не бойся, всё обойдется. А кто нам попытается помешать – быстро отправится рыб кормить.

«Вот так дела! Кажется, что-то очень серьезное затевается, а я собирался уже сбросить их со счета. Да что там собирался, я с мальчишеской несерьезностью и опрометчивой легкостью практически уже сделал это. Откровенно должен признать, явно поспешил, необоснованно погорячился. – Джонни дотронулся до лба – а он холодный. – Это же особо опасные преступники! За ними нужен особый контроль!.. Только бы не прозевать и вовремя предотвратить... А может, сразу сообщить кому следует? – родилась упреждающая мысль. – А кто мне поверит, какому-то молокососу, который якобы что-то когда-то слышал через стенку! Да мой отец первым усомнится. Нет, сначала нужны доказательства, и я добуду их».

Но оставались еще некоторые неясности – пусть и мелкие, но их много. К сожалению, пока он не мог найти четкие ответы, поэтому его обычно пытливый рассудок временно пребывал в провальной информационной пустоте и темноте – эту фразу он прочитал в одной из

взрослых книг, и она врезалась в его память. И тогда он устроил себе допрос. После откровенных конкретных уточняющих вопросов вынужден был предъявить себе не только серьезные претензии, но и вполне обоснованные обвинения. Но они относились не к уголовному законодательству – здесь он не силен, – а к его совести: вот такую он проявлял к себе требовательность, во всем, так как сама обстановка и ее возможные последствия вынуждали срочно повзростеть. Уставившись в одну точку, Вундеркинд размышлял: что-то он упустил, где-то не доработал, а теперь приходится мучиться в догадках. Умные мысли для того и существуют, чтобы иногда внезапно рождаться и удивлять мир. Вдруг сверкнувшая молнией догадка озарила туманное сознание Джонни. Теперь он знал, что ему делать в первую очередь.

Пока разведчик обдумывал ход дальнейших событий, соседи покинули каюту, оставив его наедине со своими раздумьями, которые всецело захватили его. Как опытный сыщик, он попытался поставить себя на место преступников – однако это мысленное перевоплощение не помогло ему полностью разгадать их планы, – тогда постарался заглянуть вперед и нервно заходил по каюте. Анализируя отрывочные сведения и выдвигая самые различные версии, он так и не пришел к единому выводу. Застыв у открытого иллюминатора, он пытался разложить свои хитроумные умозаключения по полочкам: в этот момент для солидности ему не хватало только возраста, скрипки и знаменитой трубки. Но он дал себе слово джентльмена, что никогда не пристрастится к этой вредной привычке: табак – это яд. От потока мыслей в тесной каюте стало слишком душно, и он волевым решением выгнал себя на свежий воздух: там лучше думается. На месте стоять или сидеть он не мог, поэтому обошел все палубы, заглянул в бар и даже в некоторые подсобные помещения, но подозрительных типов не нашел: словно на дно океана провалились.

Глава 14

Застыв на скушающей без людского оживления корме, он прикладывался к биноклю и в тысячный раз пристально вглядывался в океанские просторы, надеясь отыскать среди бескрайних водных просторов хоть одну обнадеживающую точку. Джонни так устал ждать своих открытий, что любой, хоть малюсенький клочок суши воспринял бы за удачу, за победу, которая вполне устроила бы его. Он просил глухую пока к его мольбам фортуна: помощи, раскрой свои морские тайны, хотя бы одну. Даже самый захудалый и отдаленный островок стал бы для него блаженным пристанищем, где можно укрыться от назойливых родителей, от многочисленного обслуживающего персонала, от всех людей. Зачем их столько на одном лайнере? И каждый человек таит в себе какую-то тайну: попробуй разгадай. Ради побега от цивилизации он сознательно пойдет на всё и готов лишиться себя многого, зато избавится от почти колониальных семейных цепей. И всё это ради обретения полной свободы, чтобы дышать и наслаждаться ею.

Невольно Джонни отвлекался, но каждый раз возвращался к своей главной мысли и верил, что в этом необозримом океане обязательно существует такая крошечная географическая точка, которая ждет своего открытия. Она должна покориться только ему: за его упорство и огромное желание. Только бы не пропустить ее и не упустить свое счастье.

А как только он найдет ее и тайно высадится там, в цветущем раю и в полном безлюдье, вот тогда отчаянный отшельник заживет совсем иной жизнью, которой просто грезит последние годы. Как древние предки, он построит себе безопасное и удобное жилище и будет добывать экологически чистую пищу: поначалу даже голыми руками. Осознавал он и то, что сначала придется испытать большие трудности, но потом быстро освоится, приручит обитаемых диких животных и заживет с ними в мире и согласии.

* * *

Поскольку отец Джонни передал капитану привет от их общего знакомого, тот пригласил всю семью на званый ужин. За столом и во время перерыва взрослые только и делали, что говорили заумные слова. Джонни устал от приторно-мудрых речей, но правила приличия требовали от него терпения и внимания, и он делал вид, что с удовольствием слушает.

– Капитан, а вам часто приходилось рисковать жизнью? – спросил довольный приемом отец. Тот прошелся ладонью по седой шевелюре и загадочно усмехнулся. Раскурив кубинскую сигару, он решился на откровенный ответ.

– Доводилось. Я понял, о чем вы, поэтому буду искренен: кораблекрушение пережил только один раз, в молодости. Всех спасти не удалось: погибло сорок три человека. Не дай бог пережить подобное.

– Нам с детства внушили, что творец вознаградит нас или покарает в последующей жизни, когда оценит наше поведение и поступки. Это означает, что человеку заранее представлено право выбора, он сам определяет его или становится рабом обстоятельств, не воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, светлым разумом и чистой совестью. Следовательно, все мы не застрахованы от маленьких и больших, порой роковых ошибок, а потом уже не можем остановиться, за что потом страдаем. И не только мы...

Капитан выпустил плотный клубок дыма, и его правый глаз прищурился.

– Говорят, что человек последним явился в мир, где уже были сотворены все растения и животные. Бог так ему и сказал: «Вот, возьми всё готовенькое и правильно воспользуйся, чтобы обрести вселенское счастье». Но история показывает, что одуревший от подаренного

счастья человек не выдержал испытания. Несмотря на нескончаемый поток ошибок и грубых промахов, он до сих пор никак не одумается.

– А наука утверждает, что человек не выделился бы из животного мира, если бы щедрая природа не благоволила ему, не наделила изобилием и всем необходимым. В результате эволюции он хоть и стал человеком, но с появлением денег и всевозможных низменных пороков, особенно жажды наживы, лишен элементарных человеческих качеств. Таких, как доброта, милосердие, нравственность, верность, любовь к ближнему и ко всему миру... За агрессивность, воинственность и коварство человечеству придется ответить, – с серьезным видом заявил отец и взглянул на притихшую жену, которая боялась даже пошевелиться, чтобы ненароком не спугнуть, не разомкнуть цепочку последовательных мыслей мужа.

– Уже приходится страдать, постоянно сталкиваясь то с одними, то с другими катаклизмами и прочими нежелательными явлениями природы.

Отцу явно понравилась эта неторопливая беседа, и в первую очередь такой эрудированный собеседник.

– Если Бог создал природу, а потом заселил ее людьми, то почему же они так варварски относятся к его нерукотворному творению?

Постепенно поначалу скучающего Джонни заинтересовал возникший диалог, и он пересел поближе к отцу и словоохотливому капитану. Последний продолжал дымить, как старинный пароход, которого Джонни вживую ни разу не видел: только на картинках и в кино.

– Может, они заранее уверовали, что им всё равно грозит ад? Вот и бесчинствуют, пытаюсь возвысить себя над ней и продемонстрировать деспотическую власть.

– А власть потворствует этому. Коррупция, как заботливая многодетная мать: ей всех прокормить и вырастить хочется. Ничем хорошим это не закончится. Нельзя так жить: благоговейно ощущать себя частью природы и одновременно быть ее кровным врагом. Конфликты и битвы между людьми и даже мировые войны – это еще далеко не самое ужасное, с чем человечество может столкнуться. Ненависть и враждебность, как энергия, накапливаются, накапливаются, и однажды наступает предел критической массы, и всё взрывается и уничтожается... Зачем? А чтобы начать жизнь сначала, как говорится, с белого листа, и тем самым дать человеку еще один шанс, правда, на это снова уходят тысячи и миллионы лет. Вот как дорого обходятся наши ошибки, а поучительные уроки длятся так долго, что о них новые поколения забывают или сознательно не вспоминают.

На лице капитана застыла озабоченность.

– К сожалению, гибнут все: и правые, и виновные, потому что в природе так устроено, что всё взаимосвязано и все друг за друга в ответе. Во всяком случае так должно быть в идеале. Казалось бы, у людей выбора нет, иначе всем грозит неминуемая смерть, однако очень часто наглое и агрессивное зло одерживает победу над излишне скромным и обычно лишенным пышности добром. А должно быть наоборот. Однажды во время отпуска мне пришлось побывать на чудных островках, где обитают аборигены. И что вы думаете, вроде бы оторваны от мира, а болезни к ним всё равно проникли. И тогда я пришел к однозначному выводу, что этим диким еще людям, которые умирают с ужасающей быстротой, нужны совсем другие прививки, в первую очередь медико-профилактические, а им прививают и насаждают совершенно чуждую и губительную для них цивилизацию, заведомо несущую в себе смерть. Согласитесь: нельзя за одну человеческую жизнь, а у них она и так короткая, преодолеть тысячелетнюю или даже миллионную историю человечества и освоить его непостижимые для их понятия дары современности. Они до этого не доросли, для них некоторые вещи даже мысленно усвоить и объяснить невозможно: быстрее с ума сойдешь, а мы на них обрушиваем всё, в том числе и завезенные болезни.

– Капитан, да вы словно проповедник, – вальяжно усмехнулся отец.

– Я уже тридцать лет в океане. Это огромный опыт, а с ним интуиция и предчувствие. Так вот, они мне кое-что подсказывают и тем самым беспокоят душу...

– Что-то серьезное? – забеспокоилась мама и в испуге прижала салфетку к лицу.

Капитан подался вперед и полушепотом произнес:

– Я не должен об этом говорить, но... Только между нами. Я человек суеверный, накануне рейса ходил к своему знакомому экстрасенсу... Он предупредил: нас ждут серьезные испытания. Так что будьте начеку и ни на минуту не расслабляйтесь.

– Спасибо. Мы ко всему будем готовы, даже к самому худшему, – смело заверил отец, чем вызвал сомнение у сына:

«Как можно быть готовым ко всему, если ты даже не знаешь, чего ожидать. Взрослые иногда любят поиграть в детство, но эти игры дорого им обходятся. И всё же к обеспокоенности капитана я должен отнестись очень серьезно: что-то обязательно должно произойти. У меня самого такое же предчувствие. Как жаль, что лайнер в открытом океане нигде не делает остановку. А то бы этих подозрительных типов можно было списать на берег... Но тогда я не узнаю их тайну. Нет. Уж лучше пусть останутся, а я за ними пригляжу. Интересно, а где они сейчас?»

Преисполненный гражданского долга немедленно приступить к решению важных проблем, озабоченный Джонни незаметно выскользнул из холла – и сразу к себе в каюту. Прислушался: за стенкойстораживающая тишина только разочаровала его.

«Серьезный противник не должен быть вне контроля. Ни на минуту! – таково неукоснительное правило сыщиков. – А что получается на практике?»

– Но ты один, – вступился за него внутренний голос, – и просто не в состоянии проследить каждый их шаг.

«Это не снимает с меня ответственности. У нас контролеров и без меня хватает, а вот должного контроля нет. Тогда придется привлечь надежных помощников».

– Это очень опасно. Здесь нужна особая осторожность, – предупредил дублер-напарник и в свое оправдание стал лепетать о неукоснительном соблюдении прав человека и законности при применении различных форм воздействия и методов тайного сыска.

Но Джонни его не слушал, он категорически был против его занудства: «Если послушать тебя и строго следовать закону, вечно будешь опаздывать. Поэтому полиция и не успевает за преступниками: они же не согласовывают свои действия с вышестоящими органами, а действуют сразу и решительно. Но я тебе ничего подобного не говорил и ты меня не слышал. Договорились?»

Однако внутренний голос был увлечен только своими мыслями – ответ не последовал, что не могло не обрадовать юного сыщика. Как ему хотелось оказаться в их каюте и произвести хотя бы беглый осмотр, чтобы раздобыть неопровержимые доказательства их вины. Но как туда проникнуть? Нужен ключ. Однако где раздобыть запасной?

* * *

И Джонни пошел на эксперимент. За ужином он признался отцу, что потерял ключ от своей каюты. Возможно, забыл в холле или еще где-то... Он ждал реакции насупившегося отца: тот за столом не стал отчитывать сына, проявившего элементарное разгильдяйство, и пообещал всё решить позже. Уже в коридоре Джонни пришлось всё же выслушать короткую лекцию отца о внимательности и бережном отношении к имуществу судна, после чего вместе прошли к стойке ресепшен. Приветливая дежурная без лишних вопросов выдала запасной ключ и попросила, когда найдется основной, вернуть его. Довольный Джонни, не скрывая благодарной улыбки, пообещал и резво помчался по коридору. Оказывается, вопрос с ключом решается очень просто.

* * *

Теперь Джонни выжидал, пришлось целых два дня ждать подходящего момента. Случайно увидев своих соседей на нижней палубе с картонными коробками, он осторожно проследовал за ними. Они поднялись на свою палубу – и юркнули в каюту. А поскольку руки были заняты, ключ оставили в двери. Джонни было достаточно нескольких секунд, чтобы он оказался в его кармане.

«Полдела сделано!» – радовался он, бесшумно пробегая по ковровым дорожкам. А вскоре как ни в чем не бывало присоединился к играющим сверстникам, стараясь не выдавать своей естественной взволнованности: теперь предстоял следующий, более важный этап.

Эта минутная оплошность дорого стоила братьям: они не раз тщательно обыскали всю каюту, проверили все карманы, но ключа так и не нашли. Каждый обвинял другого, и после взаимных оскорблений дело дошло до драки. Джонни хоть и не был свидетелем, но откровенно порадовался тому, что доставил им кучу неприятностей и переживаний. Спустя три часа он в бинокль крупным планом разглядел их мрачные и злые лица.

«Культурный бьет по физиономии, а бескультурный – сразу по морде: результаты налицо. Это еще только начало. То ли еще будет, когда я вплотную возьмусь за вас», – пообещал он, намечая дальнейшие планы с болезненными последствиями для своих подопечных.

Глава 15

Главным из них было конспиративное проникновение в каюту соседей. Для начала изучил график их вахты, чтобы действовать наверняка. В воскресный день, когда почти все пассажиры были задействованы в различных культурно-оздоровительных мероприятиях, а братья находились на смене, он с легкостью отрыл их дверь и мышкой проскочил внутрь.

– Все следователи должны быть осмотрительными.

Сиротливо смотревшие на него пустые бутылки виски и нищее содержимое холодильника его не интересовали. Проверил гардероб, полки с одеждой – ничего интересного, кроме таблеток, название которых ему ни о чем не говорило. Даже пузырек нашел с противной по запаху жидкостью: пробовать на язык не рискнул. Однако ни писем, ни записной книжки не обнаружил. Сложнее всего пришлось с тяжелым чемоданом, тихо дремавшим на верхней полке под потолком. Ни лестницы, ни стремянки, а он, большой и неуклюжий, сверху смотрит, словно издевается и ухмыляется: на, мол, возьми меня. А то, что ты ищешь, надежно спрятано в моих недрах.

«Еще соблазняет», – разозлился Джонни, обдумывая план штурма кажущейся на первый взгляд непреодолимой высоты.

Из-за габаритов и веса снять его, а потом забросить не представлялось возможным. Тогда Джонни взобрался на табурет, но с него разве достанешь. Пришлось идти к себе за вторым – а это риск, и немалый! – но что не сделаешь ради благородного дела. Он должен, просто обязан докопаться до истины и найти вещественные доказательства их преступных замыслов. К счастью, в коридоре никого не оказалось, и операция по молниеносному перемещению мебели прошла успешно. Табуретки оказались одинаковыми, поэтому ножки верхней едва упирались в мягкое кожаное сиденье. Вся эта хрупкая конструкция не внушала доверия Джонни, но что делать: всё равно придется дерзать, решил он и полез, рискуя в любой момент грохнуться и сломать себе что-нибудь.

С невероятным трудом он добрался до вершины незамысловатой на вид табуретной пирамиды, а когда выпрямился, ощутил себя канатоходцем над пропастью: одного легкого дуновения ветерка было достаточно, чтобы сначала оказаться в свободном полете, а затем больно загреметь на пол. Но сиюминутный страх не пугал его – дело важнее.

Чемодан оказался заперт на замки, но разве это препятствие: Джонни и к этому был готов, заранее приготовив обыкновенную дамскую шпильку и булавку. Практический опыт в подобных делах у него был уже немалый: дома частенько приходилось тренироваться, правда, иногда и за его пределами находил применение своим искусным рукам, но это случалось крайне редко и только в исключительных случаях, когда требовалось на спор подержать свое реноме. А вот здесь не вполне законные навыки пригодились, и очень кстати. Быстро справившись с несложными замками, он с волнением стал рыться в его содержимом – а там одни тряпки и ничего интересного. От возмущения даже табуретки подозрительно закрипели и чуть качнулись, вот-вот обещая развалиться от обиды, но в последний момент, видимо, пожалели юного смельчака, который хоть и отличался гибкостью, но был далек от акробатики. Да и не Карлсон он вовсе, поэтому падение и последующее соприкосновение с грязным полом ничем хорошим ему не грозило.

«Ни восторга, ни неопишуемого веселья – точно уж не вызовет», – признал Джонни, пытаясь расставленными в стороны руками держать равновесие.

Устоял и снова принялся за дело. Ловко закрыв замки, Джонни напрасно поспешил радоваться, потому что слезать куда труднее, чем залезать. Несколько попыток оказались неудачными, поэтому принял решение прыгать. Это ему более знакомо и привычно. Приземление в заданном районе получилось удачным, к тому же успел еще развернуться и пой-

мать на лету падающую верхнюю табуретку. Внизу, чувствуя под ногами опору, вроде бы думалось лучше, но найти тайник всё равно не удавалось.

«А ведь должен быть. А в нем улики, если они готовятся к такой масштабной акции», – размышлял он, упершись взглядом в столик. И тут его осенило. Он присел на корточки и взглянул снизу. Есть!!! Аккуратно отодрав клейкую ленту, он освободил из заточения целлофановый пакет. Из него достал небольшую карту с рисунком. Внимательно рассматривать времени не оставалось: слишком рискованно. Обеспокоенное сердце суетливо заколотилось, требуя немедленных действий, обеспечивающих безопасность отчаянному сыщику. Да и разуму трудно сосредоточиться в таких нервных условиях: ему подавай спокойствие и вразумительную тишину.

«Эх, снять бы копию. Но где здесь взять множительную технику? Не пойдешь же к капитану или еще к кому».

И тогда он решил действовать самостоятельно, но быстро и четко.

Заскочив в свою каюту, приложил к яркому стеклу карту, затем, наложив на нее чистый лист, стал аккуратно срисовывать все изображения, в том числе и незамысловатый рисунок. Через двадцать минут древний подлинник был возвращен на прежнее место, а копия подверглась тщательному изучению. Теперь Джонни не сомневался, что в указанной точке, обозначенной крестиком, хранится клад. И два брата-акробата направляются именно туда. Но где этот остров? И как они доберутся туда? Одни вопросы, которые теперь не давали покоя юному сыщику. А чтобы хоть как-то развлечься и проучить заговорщиков, он решил устроить им нелегкую жизнь: может, станут более разговорчивыми.

– Да, да, чтобы жизнь им сладкой не казалась, для начала пусть пройдут серию испытаний.

Глава 16

Во время скучного завтрака Джонни долго морщился, потом решил обделить свой полусонный желудок сливочным маслом. Незаметно под столом положив свою порцию в заранее припасенную коробочку, он спрятал ее в карман.

Судя по бодрому храпу, братья отсыпались после ночной вахты. Ковровая дорожка кончалась около его двери, а далее до трапов был голый линолеум. Оглянувшись, Джонни присел и тщательно растер масло, охватив площадь примерно метр на метр.

Завершив первую часть операции, он скрылся в своей комнатухе и с нетерпением ждал счастливого момента. Но сони-храпуны и не думали пробуждаться.

– Неужели, так сильно устают за ночь?

Пришлось их потревожить, слегка постучав в дверь. Однако они не поняли тонкий намек – пришлось поработать кулаком более настойчиво. Результат не замедлил сказаться: упав с кровати, Билл счастлив был от мысли, что ниже некуда уже. Несмотря на то, что они находились на разных уровнях, на этот раз сна лишились одновременно и долго пререкались, обвиняя друг друга по поводу стука. Крепкий сон был окончательно прерван, так что о второй серии мечтать не приходилось. Билли встал с пола, потянулся с хрустом и предложил охладиться пивом.

– Если хочешь выпустить пар, заскочи быстрее в бар.

– Брат, и ты серьезно считаешь, что я буду возражать?

– Даже не питаю надежду. Фреди, только прошу тебя: не устраивай дебош – пострадает много рож.

– Хорошо, я готов, – с очевидной живостью среагировал тот, потирая зачесавшиеся кулаки.

За стеной послышался непонятный шорох. Судя по басистому голосу, первым переступил порог Фреди, который поскользнулся и с дикими воплями грохнулся на пол.

– Тысяча чертей! Чтоб их черти разорвали!

Поскольку кого конкретно он не успел назвать, из любопытства на крики выскочил перепуганный Билл и, увидев скорченного от боли брата, бросился к нему, но его ожидала такая же незавидная участь. Однако ему сильно повезло: он упал на упитанного брата, точно угодив своим черепом прямо в нос.

Тут такое началось: они стали вопить, брыкаться, бороться... Только вставали, как в обнимку и поодиночке снова падали, демонстрируя такие выкрутасы, что даже профессиональные циркачи и спортсмены-акробаты позавидовали бы им. А вот они могли позволить себе такие выкидоны, демонстрируя не только высочайший артистизм, но и незаурядную гибкость. Присутствовавшая на бесплатном концерте публика хохотала без умолку – смех не нуждается в переводчиках, – а перепачканные кровью братья продолжали щедро осыпать друг друга не только крепкими выражениями, но и внушительными тумаками. На дружный смех и крики сбежалась уже приличная толпа, которая с интересом наблюдала эту оживленную картину и весело гоготала. А незадачливые комики, словно по заявке зрителей, и не думали прекращать представление. Только с трудом поднимались, как снова и снова валились на пол, и всё начиналось сначала. Джонни, с завистью приложив ухо к двери, мог только догадываться, что происходит за ней.

И тем не менее он ликовал. Хоть и молча, чтобы не выдать себя, но делал это по-детски эмоционально и от всей души, ощущая свою непосредственную причастность к этому невиданному доселе зрелищу.

* * *

На следующий день Джонни специально задержался во время завтрака: теперь уже в его коробочку перекечевал не только его кусок масла, но и сестры, и мамы, которые решили во время путешествия обязательно похудеть.

А братья словно издевались и не подавали признаков жизни, поэтому за перегородкой царила напряженная тишина. Настроенного на козни Джонни это обстоятельство никак не могло радовать, наоборот, от такой неожиданности пришлось только огорчаться.

«Если живы, то долго усидеть в своей камере-каюте они не могут. Да еще набрав в рот воды. А вместо нее они предпочитают виски и ром – этой дряни много не выпьешь и держать во рту нет смысла, – то обязательно скоро проявят себя, – рассуждал сыщик, уже прекрасно знавший их увлечения и пристрастия. – Это не в их правилах долго прятаться и отмалчиваться».

И всё же Джонни решил не ждать, а действовать. Слева от их каюты находились трапы, ведущие вверх и вниз. Юный мститель быстро разлил растаявшее масло на верхних ступеньках и сознательно притормозил у двери соседей. Встав на цыпочки, он поднятой рукой постучал три раза – и юркнул к себе.

Затаив дыхание, он ждал результатов своих развлекательных происков, но объекты наблюдения своим поведением напоминали сонных мух. Джонни мысленно поторапливал их и молил бога, чтобы никто из пассажиров не воспользовался этими лестницами. К своей радости, он наконец-то услышал, что дверь соседей открылась, но неожиданных гостей на пороге не оказалось. Тогда один из братьев со злостью отыгрался на ней, захлопнув со всей силой, будто она в этом виновата.

– Ты тоже слышал, или мне показалось? – спросил Билл, однако в ответ последовало совсем неожиданное:

– С тобой мне не только не о чем говорить, но даже лень обменяться бранными словами. Вот как ты мне надоел! Пойду-ка я лучше выпью: промочу пересохшее горло, а заодно залью свой траур. Да что мне гибель сотен миллионов, когда я сегодня потерял свои сто кровных фунтов.

– Я не потерял, но я с тобой.

«Ум – хорошо, а два лучше, но где ж его взять? Вот черти, только и знают, что пить. Глупых людей развелось так много, что умные среди них теряются! Одного боюсь: а вдруг дураков и вправду большинство! Поэтому-то умные люди и побаиваются переписи населения – боятся оказаться в страшном меньшинстве».

Снова хлопнула дверь, и раздался два четких щелчка дверного замка. Короткая пауза, и вдруг послышались грохот и оглушительные проклятия, которые, к радости Джонни, становились уже привычными. Несложно было догадаться: это Фреди кубарем скатился по лестнице и замер у ног окаменевшего брата. Когда тот пришел в себя, Билл с ехидной улыбкой поинтересовался:

– Фреди, ты что-то забыл? Зачем же так больно спешить? Я еще не ушел.

– Там, там... – неуверенно показывал пострадавший пальцем наверх.

– Ну, если ты во мне не нуждаешься, тогда я пошел.

– Там, там...

Но разве спешащий Билл будет слушать нерасторопного неудачника-мямлю, который слова толком сказать не может. Прошло несколько выжидательных секунд, и снова донесся грохот: на этот раз более шустрых костей о крашеные металлические ступеньки. В ответ стонущий Билл услышал старую песню брата-зануды: там, там...

Потирая руки, Джонни, смешно выпятив нижнюю губу, признался:

– Господа, я бы рад вас любить, но моя душа против такой любви, поэтому и радуется вашей беде.

Время быстро лечит, даже нестерпимую боль. Младший брат оклемался первым. Демонстративно перешагнув упитанное тело Фреди, сухой Билл снова бойко застучал подкованными каблуками по ступенькам, а вскоре его звонкий голос вновь прорезался, когда он на приличной скорости едва успевал считать каждую металлическую ступеньку. На этот раз они лежали рядом, чтобы никому не было обидно. Однако от шума в головах понять, что же это было, они оказались не в состоянии. Отлежавшись, немного пришли в себя и с трудом приподнялись. Теперь Фреди нашел в себе силы выговориться до конца:

– Там опасно. С-скользко!

Но об этом Билл после двух неудачных попыток и без него уже знал. Так что предупреждение последовало слишком поздно! Однако в глазах Фреди застыла еще одна фраза: «Билл, ты так быстро вернулся, что я не успел по тебе соскучиться».

Штурмовать еще раз эту непокоренную высоту они не рискнули – слишком скользкая, как лед, – поэтому предпочли спуститься вниз, посчитав, что сделать это гораздо легче и безопаснее. Однако и здесь их подстерегала «приятная» неожиданность: они снова поскользнулись и друг за другом с ускорением полетели на другую палубу, приземление на которой оказалось еще более жестким – все-таки чужая – и обидным для Фреди, которому так и не удалось перегнать более скоростного брата.

К этому времени Джонни был уже на палубе и издали наблюдал за ними. Глядя на их жалкий вид, он предупредил: «Если вы считаете меня простой пешкой, то глубоко ошибаетесь, поскольку у нее отличная перспектива стать ферзем».

Сильно хромая и держась за отбитые бока, несчастные бедолаги направились в медпункт залечивать свежие синяки, шишки и ссадины. Мысленно они обвиняли только себя, прежде всего за то, что вчера перебрали лишнего в баре, поэтому с утра ноги совершенно не держат, а туманные головы до сих пор не в состоянии осмыслить только что произошедшее.

– Даже абсолютно здоровые люди иногда серьезно задумываются о болезнях, – признался Фреди после первых спасительных глотков пива.

– А больные? – уставился на него Билл, давно причислив себя к их числу.

– А больные с ними постоянно живут. Ведь болезни в паспорт не заглядывают и по здоровью бьют исподтишка. И всё в спину и по затылку норовят.

Зато устроитель этих испытаний был спокоен и не испытывал угрызений совести, полагая: если они искалечатся или сломают себе шею, руки, ноги, то вынуждены будут отложить свою операцию. От этого выиграют все пассажиры, поскольку не подвергнутся реальной опасности.

Однако последующие дни показали, что братья оказались на редкость живучими, на них как на собаках всё заживало.

Глава 17

Кроме основных добровольно возложенных на себя обязанностей сыщика, хоть и на общественных началах, у Джонни хватало и других забот, более приятных. Он всегда с трепетом и превеликой радостью встречался со Стеллой и никогда не уставал от нее: ведь она обладала неповторимой аурой соблазнительной привлекательности. Еще не успев расстаться, он с нетерпением уже ждал новой встречи, хотя и испытывал определенное беспокойство, что скоро его счастье может внезапно прерваться. Но об этом он пока не мог сообщить даже ей: чтобы не расстраивать.

С утра в ослепленной солнечными лучами столовой он с нетерпением ждал и надеялся, что сейчас дверь распахнется, и Стелла впорхнет, точнее, величаво въедет на своей карете. Они тотчас встретятся приветливыми взглядами и улыбнутся друг другу как старые знакомые.

«А впрочем, какие же мы старые... Всего-то несколько раз виделись, а кажется, что давным-давно. Нет. Мы новые знакомые! Но и первую встречу нельзя забывать – без нее не было бы последующих и сегодняшней».

Когда она слишком задерживалась, в его томительной душе закрадывались терзаемые неизвестностью мучительные сомнения. Но они тут же таяли при ее лучезарном появлении. После знакомства с ней он ощущал в своем сердце ее незримое постоянное присутствие и был благодарен ей за это. Да он и не пытался скрыть своих полыхающих чувств. Теперь его взбудораженная душа просто упивается сладостной мыслью, и какая-то внутренняя сила словно толкает его навстречу тайным желаниям.

Ежедневные богатые романтическими эмоциями свидания завораживали их и, словно дружеские письма после трепетного прочтения, заносились в кладовые памяти для многократных повторений во сне и в... разлуке. Он ее чувствовал и заранее пугался, когда мысленно уносился в будущее. Даже когда всё вроде бы выглядело прекрасно, на небе светло, в душе чисто и ясно, в сознании Джонни иногда закрадывались черные мысли. Но он их гнал прочь.

– Никто и ничто нас не разлучит, – твердил он как молитву и верил в это, однако сомнения и предчувствия всё чаще напоминали о себе, поскольку для этого уже созревали серьезные основания.

* * *

Уловив удобный момент, Стелла часто бросала на него смущенно-приветливые взгляды. А он, замирая от небывалой радости, отвечал ей ласковой, совершенно незаметной для непосвященных влюбленной нежностью. Она с взволнованным трепетом ловила каждый чувственный посыл его открытого сердца и взора, а поймав, уже с нетерпением ждала следующего. Он стал для нее тайным и самым верным другом, с его появлением она ощущала себя благодарно-счастливой от одного его присутствия, от непосредственного соприкосновения не только с ним, но и с его светлыми неудержимыми мыслями. А когда они всё же разлучались перед сном, то она не испытывала страха за свое будущее; от волнительного предчувствия нарастающего приближения чего-то возвышенного и сладостного ею овладевали совсем иные эмоции. И всё это благодаря неугомонному Джонни, к нему она питала самые искренние чувства, о которых не догадывалась ни одна душа на свете. Он же, когда вдруг терял нить почти неиссякаемого вдохновения и увлечения, то сразу терялся, иногда испытывал какую-то беспокойную дрожь, но старался не выдавать внутреннего тревожного состояния. Одно ее присутствие, отдельные фразы и даже молчание казались ему на ред-

кость многозначительными и выразительными. Он тут же вдохновлялся и со всей страстью заряжался новыми замыслами.

* * *

Они так сильно подружились, что вскоре познакомились и их наблюдательные родители. Отец Стеллы, мистер Трауб, высокий мужчина крепкого телосложения, с прямым длинным носом и строгим взглядом, оказался полицейским, мать, худенькая, с приятной внешностью и светскими манерами блондинка, – домохозяйкой. Когда Джонни впервые увидел мужественного папу и его сверкающую бритую голову, невольно родился экспромт: «Если жизнь держится на волоске, то на чем же держится она у лысых?»

Предусмотрительная чета Трауб уже дважды приглашала к себе Джонни: беседовали, угощали его, и, судя по всему, он выдержал испытание, раз они не возражали против его общения с их дочерью.

Узнав об этом, отец Джонни пригласил семью Трауб в гости. Джонни со Стеллой вместе листали журналы, женщины на диване занимались чем-то своим и привлекли в свое заманчивое общество любопытную Кэт. А мужчины сначала поближе познакомились за чашкой кофе, затем с нескрываемым удовольствием подымили сигарами, после чего, как истинные англичане, перешли к серьезным разговорам:

Мистер Крег начал с вопроса:

– А как вы относитесь к прогрессу и цивилизации?

Собеседник открыто высказал свою позицию:

– Стремление цивилизации оторвать человека от его исконной среды – это самое настоящее безумие. Нужны разумные пределы, крайняя осторожность, особенно когда мы вмешиваемся в непонятные нам законы природы или появляемся там, где до этого не ступала нога человека. Я твердо убежден, что международному сообществу надо выделить такие места на планете и строго-настрого запретить человеку появляться там. Да, да, разрушительной цивилизации там не место.

У Кrega сразу обозначилась складка на переносице. Продолжая листать очередной журнал мод, Джонни уже вполуха включился в их разговор.

– Почему? К чему такая предосторожность? – спросил его отец, заманивая гостя в череду бесконечных вопросов и ответов.

– Даже если везде – и прежде всего по нашей глупости – погибнет всё живое, то пусть хоть там сохранится жизнь.

– С этим нельзя не согласиться. Но агрессивность цивилизованного человека против своих меньших собратьев у нас тоже от природы. Если человек произошел от обезьяны, то откуда в нем такая агрессивность и жестокость? Ведь она зародилась сразу и до сих пор присуща всему живому. Что это – испытание?

Мистер Трауб слегка улыбнулся.

– А ведь обезьяны не убивают друг друга. Может, чрезмерное размножение, нехватка пищи, конкуренция, желание доминировать делают людей агрессивными? Отсюда и конфликты, войны. Возможно, в человеке с рождения заложен некий тайный вирус, который до поры до времени мирно спит или заморожен. Но иногда в нем просыпается импульс к убийству, который срабатывает только при благоприятных условиях, аномальных обстоятельствах. Когда человек понимает, что ему грозит смертельная опасность и он должен во что бы то ни стало выжить, вот тогда он и становится хуже зверя.

– Жаль, но вечный двигатель природы время от времени дает сбой, поэтому появляются определенные силы и создаются всё новые отряды для самосохранения природы, способные восстановить даже нарушенное равновесие.

– Благодаря этому и миролюбивому общению растёт и ширится сотрудничество между народами, силы единения неизменно преодолевают недоверие, обособленность, рознь, вражду...

В этот момент жена Крега встала и обратилась к мужчинам:

– Сколько можно о политике? Господа, вы не забыли, что в вашем обществе присутствуют дамы? Так уделите же им хоть немного внимания.

Муж встал и любезно улыбнулся.

– Дорогая, мы только этим всю жизнь и занимаемся.

Джонни придирчиво отметил про себя: «Если в дело и не в дело называть жену дорогой, то уже совсем скоро она может потерять свою истинную ценность».

Все приветливо улыбнулись и решили прогуляться, заодно заглянуть в танцевальный зал. А там в полумраке было настолько шумно и оживленно, что казалось очень тесно, но место нашлось всем. Галантный Джонни не отходил от Стеллы; заметив, что ее взгляд прилип к белому, как китель капитана, роялю, он спросил:

– Хочешь сыграть?

– Очень! – вырвалось у нее, однако, опомнившись, с некой обреченностью она выдохнула и развела руки. – Но...

– Так сейчас организуем, – уверенно пообещал Джонни и намеревался куда-то ускользнуть, однако Стелла ухватила его за руку.

– Не время.

– Ошибаешься. Как раз самое время расслабиться и отдохнуть.

После быстрого ритмичного танца Джонни подошел к музыкантам и попросил микрофон. Солист группы, мужчина средних лет в клетчатой рубашке с подтяжками и в ковбойской шляпе, передал ему серебристый микрофон. Джонни без тени смущения начал:

– Леди энд джентльмены, дамы и господа, сейчас перед вами выступит известная пианистка Стелла Трауб. Мне с большим трудом удалось уговорить ее. Давайте дружно попросим юное дарование сыграть нам что-нибудь из ее богатого репертуара.

Раздались аплодисменты и одобрительные возгласы. Вспыхнул яркий свет, Джонни подскочил к Стелле и лихо подкатил коляску к сверкающему роялю. Все притихли, она помассировала хрупкие пальцы и элегантно положила на клавиши. Мелодия оказалась настолько знакомой всем, что кавалеры стали приглашать своих дам на медленный танец, родители Джонни и Стеллы не были исключением. Как же всё выглядело замечательно. Джонни гордился собой. И, конечно же, своей очаровательной подругой, сумевшей подарить всем великолепный музыкальный подарок. Последние аккорды просто утонули в овациях и в гуле благодарной публики, некоторые кричали: «Браво!»

Стелла, прижав очаровательную руку к полыхающей груди, смущенно кивала, каждый раз прикрывая веки. Стоявший рядом с ней Джонни шепнул на ухо:

– А может, что-нибудь споешь? А чего, тут все свои. – Она неопределенно пожала плечами. – Так хочешь? Сейчас органирую.

Ее молчания оказалось достаточно, чтобы энергичный кавалер – из числа современных молодых да ранних – пришел к однозначному выводу: не просто хочет, а очень хочет! А желание дамы для него закон! Чтобы успокоить признательную публику, он поднял руку и объявил следующий номер:

– А теперь вас ждет сюрприз. Какой, я и сам не знаю. Так что на этот раз поприветствуем знаменитую певицу, волею случая оказавшуюся на нашем великолепном лайнере – в эту секунду он действительно считал его таким.

Она тут же бросила в его сторону осуждающий взгляд, но не обиделась – времени уже не оставалось на такие пустяки, так как надо еще успеть настроиться.

Предложенная песня также оказалась очень популярной на берегах Великобритании, поэтому Стелле с удовольствием подыгрывали и музыканты-импровизаторы. А некоторые танцоры умудрялись одновременно подпевать в такт. К радости солистки, концовка получилась коллективной. Однако все лавры славы свалились на нее, и вполне заслуженно. Правда, немного досталось и тщеславному Джонни, но это было его субъективное мнение.

Объявили следующий танец, и снова всё закружилось, засверкало в бликах вращающегося шара. Однако после оглушительного триумфа молча наслаждаться самолюбованием молодые люди не могли, их уже не только заворожала знакомая мелодия, но и привлекали совсем другие, более возвышенные радости жизни. Сердца шикарного дуэта в едином порыве рвались к совместному полету и очаровательному ритму, объединяющему их страждущие души. И они не сдерживали себя. Да и последующие танцы Джонни с головокружительным вдохновением танцевал с обворожительной Стеллой, ставшей в несколько минут настоящей звездой незабываемого вечера. Правда, пока звездой местного значения, но у нее еще всё впереди.

«А кто ее открыл? Кто зажег?!» – шутливо размышлял Джонни, не отрываясь от ее серьезного лица с лукавыми ямочками на щеках.

Вместе с ней он поворачивал и вращал послушную коляску, которая наконец-то тоже дождалась своего звездного часа и старалась всячески помогать юным солистам. Они пытались импровизировать и делали это так умело и синхронно, что прикрывшей веки партнерше показалось невероятное: она грациозно кружится в вальсе... на своих ногах! Как она была счастлива в этот удивительный миг... И так же несчастна, когда смолкли, оборвались завораживающие звуки, и она снова увидела себя в инвалидной коляске. Как же трудно из музыкально-танцевальной сказки возвращаться в безрадостную реальность инвалида. Как же противно и ненавистно ей это унижительное слово. Но сегодня ее день, к тому же она была сильной девочкой, поэтому и даже вида не подавала, так и не выдав своего внутреннего страдания и мгновенно нахлынувшей хандры.

Перед расставанием Мистер Трауб вежливо взял Джонни за локоть и отвел в сторону.

– Спасибо тебе, Джонни, ты настоящий джентльмен. Я наблюдал за вами и удивлялся: надо же, какой молодец! Совсем без комплексов. А как преобразилась Стелла, как она радовалась!.. А с ней и я, и моя жена.

– Ну что вы, какие пустяки. Это я пригласил ее в танцклуб, поэтому обязан развлекать свою девушку...

Мистер Трауб подумал: «Хоть ей до девушки еще... как и тебе до... юноши, но ты все равно настоящий рыцарь! С тобой не пропадешь». Однако он деликатно промолчал, только любезно протянул руку. Джонни воспринял это мужское рукопожатие за самую высшую похвалу, тем более на глазах Стеллы!

– Иди уже, а то она заждалась. Только ты о нашем разговоре – никому.

– Вы меня плохо знаете, мистер Трауб. Я умею молчать как рыба, из меня тайну даже клещами самого кровожадного краба не вырвать.

– Согласен, молодой человек: я еще плохо знаю тебя, но чем больше узнаю, тем больше ты мне нравишься.

Джонни расплылся в открытой улыбке и с нетерпением спросил:

– Так я побежал?

В качестве знака согласия последовал легкий кивок.

Глава 18

А ранним полусонным утром вялый Джонни за тощей перегородкой слышал мужские голоса: как же не вовремя! Но что делать: придется включаться в работу и подключать свою бдительность – а она никогда не должна дремать: ни днем, ни ночью, ни на посту. Оторвав голову от подушки, он безжалостно потрянул ее.

«Когда же мои подопечные проснулись? Неужели я так легкомысленно проспал самое главное? Никогда себе этого не прощу».

С профессиональным интересом прижавшись ухом к стене, он слышал следующий разговор:

– Билл, ты полностью запасся продуктами? Ничего не забыл?

– Да, вроде всё. Строго по списку.

– Зачитай.

– Что, не доверяешь? Тогда слушай. Мешок картошки, по два килограмма риса, гречки, пшени, перловки, овсянки. Коробка тушенки, сахар, соль, питьевая вода на первое время. А ты?

– Всё как в аптеке: две коробки виски...

– А не маловато? Давай еще столько же рома.

– Согласен, не помешает и в работе совсем не повредит. А то еще неизвестно, насколько мы там застрянем.

Джонни насторожился, но даже мысленно промолчал, желая услышать самое важное. Но братья продолжали перечислять припасенное, а вот дату начала операции и не думали называть.

– А остальное, без чего нам просто не обойтись?

– Палатка, лом, кирка, две лопаты, два ножа, топор, мачете, спички, зажигалки.

– А пилу или хотя бы ножовку? – уточнил Билл.

– Эх, совсем упустил – где сейчас возьмешь? На всякий случай загляну в магазин, но вряд ли...

– А фонари?

На этот раз последовал уверенный ответ Фреди:

– Есть.

– А запасные батарейки, а аккумуляторы припас?

Тот, видимо, отрицательно покачал головой или пожал плечами.

– Эх ты, растяпа. Вечно что-нибудь забудешь.

– Да ты на себя взгляни, недоделанный Кощей.

– Что? Ты на кого пасть разинул, недоучка?

– Ученый нашелся... В гробу я видал таких ученых, как ты.

– Не каркай, а то сам в нем окажешься раньше времени...

«Дружеская» перепалка-полемика непримиримых сторонников собственной концепции еще продолжалась, но Джонни она уже порядком надоела. Он увлекся другим практическим вопросом:

– А где же они всё это хранят? В каюте ничего из перечисленного нет.

Эту загадку и предстояло ему решить в ближайшее время. Но как? Ходить за ними по пятам – это неминуемая расшифровка. Наблюдать издали – невозможно: не в поле же открытом, а на судне. Придется привлекать надежных помощников. Но как им объяснить свой интерес? Открыть раньше времени тайну он не имел права, а делать из них наивных дураков – не хотелось. Как бы потом самому не оказаться в дураках. Придется использовать

втемную, как это делают опытные разведчики. Теперь предстояло подобрать подходящих кандидатов, способных решить поставленные перед ними задачи.

Самой первой, конечно же, оказалась Стелла. Хотя у нее и ограниченные физические возможности относительно перемещения, но она надежна и, во-вторых, на нее не подумают. Так что у нее есть неоспоримое преимущество: она всегда будет вне подозрений.

Кого же еще? Этот вопрос сразу же поставил в тупик юного сыщика. Время шло, а подходящие кандидаты не находились.

«Ничего не поделаешь, придется привлечь Кэтти: она хоть и не блещет умом и импровизацией, но есть у нее одно неоспоримое качество – очень аккуратная и исполнительная. Главное, ее заинтересовать и четко поставить конкретную задачу. Возможно, мне придется чем-то пожертвовать», – с сожалением отметил Джонни, припомнив в ней еще один серьезный недостаток: меркантильность. Но дело важнее.

Только Джонни снова переключил свое внимание на соседей, как услышал настораживающую фразу Фреди:

– Эх, нам бы еще парочку устрашающих аргументов.

– Каких? – настороженно уточнил Билл.

– У каждого свой аргумент: у одного – слово, у другого – кулак, у третьего – пистолет.

«Вон куда вы замахнулись! Оказывается, всё настолько серьезно, что выше некуда! – признал сыщик, от волнения у него зачесалось под левой лопаткой. – Если они вынашивают такие планы, то разве можно их недооценивать...»

– А про остальное, брат, позже узнаешь. Уверю, аж до потолка подпрыгнешь!

От этой сногшибательной новости впечатлительный Билл тут же оказался в плену до ужаса запутанной интриги, но ему так и не удалось мысленно уговорить Фреди открыть тайну, за которой обязательно стоит смерть.

* * *

Привлекать помощников сыщику пришлось уже на следующий день. Братья отоспались после ночной вахты и перед обедом стали обсуждать свои ближайшие планы.

– Пожалуй, я куплю еще репчатого лука, а то без него и пища в рот не полезет. Сегодня же запасусь и отнесу в кладовку.

– А я куплю батарейки и достану аккумуляторы к фонарям.

Джонни растерялся: «Где же находится эта кладовка? Хотя бы на какой палубе? Где мне расставлять посты?» – ломал он голову.

Сидеть на месте он уже не мог, поэтому решил срочно действовать. К счастью, сестра оказалась в своей каюте.

– Кэт, хочешь принять участие в нашей игре?

От неожиданности она округлила глаза – с чего бы это брат вдруг обратился к ней с таким предложением? Но сначала решила всё разузнать.

– Что я должна делать?

– Сначала дай слово, что не проболтаешься.

– Знаю я тебя. А вдруг ты предложишь что-нибудь такое... о чем придется всю жизнь жалеть.

Внешне невозмутимый Джонни упредил ее жестом.

– Не беспокойся, всё будет в рамках приличий и законности. Дело в том, что я подружился со своими соседями по каюте. Очень «обаятельные» люди! Да ты их видела, они только и делают, что пьют да дерутся.

– Ну и «друзья» у тебя, – сморщилась Кэт, но, зная ее слабости, брату уже удалось заинтриговать ее, поэтому лишиться себя хоть какого-то развлечения она просто не могла. – Дальше излагай.

– Я с ними поспорил, что найду на судне их тайник. Они сейчас должны пойти и спрятать там одну вещь, а я в это время должен сидеть в каюте – таковы условия.

– Понятно. Я должна проследить за ними, а потом тебе показать.

– Дорогая, да ты делаешь просто поразительные успехи. Как же я раньше ошибался в тебе.

Обидчивая Кэт мгновенно нахмурила брови.

– Не зарывайся и попроси без намеков, а то...

– А вот этого не надо, я пошутил, – Джонни изобразил игривую улыбку, которая сразу устранила все сомнения и даже намеки на обиду.

– То-то же. А что я поймею в качестве благодарности? Надеюсь, не даром?

– Об этом после выполнения задания. Пора действовать, а то время поджидает.

– Не обманешь? – подражая отцу, пригрозила она указательным пальцем, устремленным ему в грудь. – Смотри у меня!

– Не сомневайся. Главное – победа, а награды потом. Так что вперед, только действуй очень осторожно, с выдумкой, лучше издалека.

Они вышли вместе, и Джонни посоветовал ей встать в другом конце коридора, чтобы не мельтешить на глазах у подозрительных типов. А сам на цыпочках подкрался к их каюте и с волнением прислушался. Услышав голоса братьев, обрадовался и показал пальцем на дверь, что означало: они еще там. Джонни с легкой душой прошмыгнул в свою каюту и притаился, вслушиваясь в каждое слово подозреваемых. Откровения Билла показались интересными.

– Ты же знаешь: в первый раз я сел по глупости, по молодости.

– Так это одно и то же, – высказался Фреди, с чем Джонни никак не мог согласиться. А Билл продолжал:

– Увлечение прихватить чужое начиналось с безобидного прихвастнуть: поспорил, украл и сразу попался. Пустая бравада. А потом пошло и поехало, а дорога-то оказалась совсем не в том направлении.

– На воле все люди являются волевыми, а в неволе – мечтателями, – заверил Фреди. – Раньше надо было умнеть.

Неторопливый Билл вторил ему:

– Наши законы официально не разрешают многое, зато неофициально позволяют всё. Каждый человек за свои дела и делишки заслуживает пожизненного срока, пока его не прервет смерть. Но нас это не касается – мы свое отсидели, оттрубили.

Притаившийся Джонни не скрывал своего возмущения:

«Занятые и занятные люди отличаются друг от друга занятием. Пора за вас серьезно браться. Но кроме меня кто этим будет заниматься? Мы все борцы, но только на словах, на деле же – глухонемые свидетели, притаившиеся в тени, и жалостливые судьи».

Далее в разговоре братьев ничего существенного не последовало. Кажется, уже собираются выходить.

«Всё идет по плану: люди задействованы», – признал юный руководитель операции, важно расхаживая по каюте и заложив руки за спину. В этот миг он напоминал великого полководца накануне генерального сражения, поэтому вовсе неслучайно сестра оказалась у него во множественном числе – кому же не хочется численного преимущества. Или хотя бы равенства.

Последующие сорок две минуты показались чересчур взволнованному организатору операции и одновременно руководителю генерального штаба вечностью. Что он только не передумал за это время, и почему-то в голову лезло исключительно плохое и печальное. То

ему казалось, что братья-преступники быстро раскусили неопытную Кэт, заманили ее в свой тайник и теперь изошренно пытаются. Логика подсказывала, что она мужественно держится – иначе они давно пришли бы за ним. А может, возникли какие-то другие непредвиденные обстоятельства, которые привели к полному провалу устроенной слежки? Однако от этой внезапной догадки легче не стало.

«Ну почему тогда она не придет и честно не скажет об этом? А вдруг ей и говорить-то нечего: никуда она не ходила и не наблюдала за ними. Тогда с ее стороны это будет самым настоящим свинством».

Он тихо выскочил из каюты и на цыпочках добежал до ее двери, однако она оказалась запертой. Почувствовав некоторое облегчение, Джонни вернулся к себе. Но душа по-прежнему была не на месте. Может, надо было самому, хотя и с риском? Правильного и своевременного ответа он найти не мог, поэтому оставалось только ждать. А каково это нетерпеливой натуре сидеть и ждать, когда несколько тысяч жизней в опасности!

«Ну что же ты, Кэтти? Все нервы измотала! Умеешь опаздывать – умей и убедительно оправдываться».

В эти минуты ему казалось, что от нервного шока его могут спасти только тихие удары в дверь – как Кэт это обычно делает. И этот долгожданный стук покажется ему спасительным. И он дождался. Она вернулась живой и здоровой, а главное, довольной результатами. А уж как был рад этому Джонни, она даже себе не представляла.

Без лишних слов он усадил ее на табуретку и потребовал подробного доклада. Кэт выдохнула и с азартом начала:

– Они вышли – и вниз. Я следом за ними. Они в магазин, а я ждала их на палубе. А потом они разделились, и я растерялась: ты же не сказал, кто из них босс. Я предпочла толстого: думаю, не убежит, если что. Он зашел в какую-то мастерскую, после в какое-то другое помещение, а я снаружи, но всегда рядом. Далее пришлось побегать за ним по палубам: словно заяц следы путал. А затем зашел в подсобку около кухни и закрылся изнутри. Пришлось долго ждать. Вышли они вдвоем – и в бар. Там народу много, шумно и накурено: я не выдержала и ушла. Так что, милый братец, ищи в подсобке – не ошибешься.

– Они тебя не заметили?

– Нет.

– Тогда вдвойне молодец!

– Что мне твоя похвала. Лучше позолоти ручку, – она артистично протянула раскрытую ладошку, жаждавшую немедленного подарка.

– А чего бы ты хотела?

– 50 фунтов.

– Да это грабеж! Ты забыла, это же всего-навсего детская игра! – слукавил Джонни.

– Всё в жизни имеет плату, – небрежно бросила она где-то услышанную фразу. – Так что не скупись, братец.

– Ну и молодежь пошла! И куда мы катимся? С каждым днем жизнь изменяется, только непонятно, в какую сторону? Ты согласна с этим? – Кэтти молчала. – Все мы любим деньги, но забываем об их отрицательных качествах. – Но сестра не среагировала на его предупреждение и по-прежнему упорно стояла с протянутой рукой, а взгляд выражал только одно: «Ты мне зубы не заговаривай». – Жадные люди с дикой жадностью любят свою жизнь, а чужую ни во что не ставят. Учти это, я тебе плохого не желаю.

Торг завершился на сумме в два раза меньше, что в конечном счете устроило обоих. И всё же при прощании Джонни попытался устыдить сестру:

– Раз пошла на сделку со своей совестью, то хотя бы поделись с ней прибылью.

– Еще чего – нашел дурочку.

Глава 19

Корыстная Кэт молча качнула головой и удалилась, а Джонни, с радостью потирая руки, решил еще раз проанализировать сложившуюся ситуацию.

«Надо срочно обзавестись магнитофоном и фотоаппаратом: вот тогда будут и улики, и вещественные доказательства. Но где их взять? Если у сестры, то она разорит меня: совсем карманных денег не останется. А вот Стелла!.. Конечно же, она выручит меня. Однако если ей всё рассказать, то она может испугаться, ночами не будет спать. Нет, надо сделать так, чтобы она ничего серьезного не заподозрила. Я опять превращу всё в игру: и мне хорошо, и ей хоть какое-то развлечение».

Так он и поступил. Отыскав Стеллу на ее любимом месте, на корме, где в дневное время всегда солнце и приятный ветерок гуляет, он присел рядом и тяжело вздохнул. Она оторвалась от книги и внимательно взглянула на него.

– Устал? Набегался? Или какие проблемы?

– Мы с ребятами затеяли новую игру. Я тебя хочу вовлечь, а они сомневаются, справишься ли?

Удивленная Стелла обнадеживающе улыбнулась.

– Смотря что: может, и пригожусь.

– Да я в этом и не сомневаюсь. Не вижу ничего сложного. Уж если сестра моя справилась, то ты-то тем более. – Однако он тут же умолк, словно вспомнил что-то неприятное, о чем боялся открыться. После интригующей паузы хитрый Джонни продолжил: – Только одно условие...

Ему удалось добиться своего: Стелла уже загорелась и, судя по ее нетерпеливому выражению, готова была на всё.

– Какое?

– Ты должна достать фотоаппарат и портативный магнитофон.

– И всё? – На ее бледном лице удивленно взметнулась левая бровь.

Джонни растерянно кивнул и тут же спохватился:

– Пока. Ты у нас – секретный резерв! Должна выстрелить неожиданно и в самый ответственный момент.

– Надеюсь, дело обойдется без стрельбы? – Уверенным кивком он заверил ее, она сразу успокоилась. – Тогда ты прав: ничего сложного. Фотоаппарат у меня есть, а портативный магнитофон я попрошу у папы.

– Тогда поехали, – предложил оживленный Джонни и взглянул на сиротливую коляску, которая хоть и застоялась, однако от неожиданности словно раздумывала: а стоит ли? Да и хозяйка немного удивилась:

– Что, прямо сейчас? Неужели так срочно?

– Чем быстрее, тем лучше. Каждая минута дорога, – выпалил Джонни и серьезным выражением лица придавал значимость сказанному.

Давшей предварительное согласие Стелле ничего не оставалось, как подчиниться: у него же всё всегда внезапно и спешно. Уж такой он человек. Он живо докатил ее до своей каюты, а сам, не скрывая тревоги, бесцельно крутился в коридоре. Минутная стрелка на часах уже пробежала два круга, а Стелла не появлялась.

«Значит, надолго», – решил он, осуждая характерную женскую черту – нерасторопность.

Однако ему ничего другого не оставалось, как ждать и нервничать... в одиночестве. Только спустя четверть часа она снова вырулила из каюты и замаячила в середине узкого

коридора. Подскочив к ней, он без разговоров помчал ее на прежнее место. В успехе он не сомневался – одного ее обнадеживающего взгляда оказалось достаточно.

– Вот, возьми. А ты пользоваться умеешь или показать?

Первым делом он взял фотоаппарат *Nikon* и с интересом разглядывал его, пытаясь понять принцип работы.

– Со вспышкой? Это хорошо, а то вдруг там темно.

– А с магнитофоном еще проще: здесь включать, а вот так выключать, – Стелла попыталась наглядно продемонстрировать, даже не подозревая, что этим может задеть его самолюбие. Однако Джонни опередил ее.

– Ничего, разберусь, на месте опробую, – заверил он и с благодарностью взглянул на свою милую помощницу. – Ты просто умница! С тобой не пропадешь.

Вооружившись, он ощутил себя не простым сыщиком, а суперагентом, ему просто не терпелось использовать полученную спецтехнику для документирования преступной деятельности. Оставив Стеллу за любимым занятием, он помчался за сестрой. Она оказалась на другой палубе вместе с подружками. С большим трудом ему удалось убедить ее показать подсобку, в которую заходили его соседи.

– Да пойми ты, мне вот так надо! Время поджигает, – торопил он ее, приставив ребро ладони к вытянутому горлу.

– Ты же видишь: я не одна. Неприлично, – шептала она, искоса поглядывая на девочек-хохотушек в одинаковых платьях.

– Да что тут такого! Мы только туда и обратно. Предупреди их: они без тебя не растают, и ветер не сдует их с палубы.

Надув щеки, недовольная Кэт всё же сдалась. Она неторопливо подошла к подружкам – как же она умеет своей нерасторопностью нервы мотать – и стала им что-то объяснять. Нетерпеливый Джонни был уже метрах в десяти и поражался ее врожденной медлительности. «Мне кажется, что такие люди по привычке опоздают и на собственные похороны». Однако деваться некуда, опять пришлось ждать: ничего не поделаешь – служба агента вся на нервах, и любое их действие сопряжено с риском для жизни. И лично он к этому готов. Главное, не показывать своего излишнего волнения и раздражительности, иначе быстро выдашь свой интерес и расшифруешься – ведь противники тоже не спят и всегда начеку. Не то что моя неповоротливая сестра. «И кого я привлек!»

* * *

Спустившись по трапам до нужной палубы, они прошли до кухни, и Кэт кивнула на металлическую, ничем непримечательную дверь.

– Здесь, – шепнула она, скривив рот, который предусмотрительно прикрыла ладошкой.

Не отрывая взгляда от указанной двери, Джонни взволнованно спросил:

– Точно? Не перепутала? – Та указала на характерное пятно. – Умница!

Сестра протянула алчную руку, на что Джонни жестко скомандовал:

– Свободна. Можешь исчезнуть.

– Фу! Как грубо. Тут стараешься, стараешься для него, а он: «свободна»!

Она засеменила по голубой ленте начищенной палубы, а он даже не взглянул ей в след, сосредоточившись только на замке. Далеко не простой. Как же его открыть? В течение дня он дважды пытался справиться с ним, но ничего не вышло: ни один подручный инструмент не подошел в качестве воровской отмычки. Да и времени на это у него было всего-навсего несколько секунд: постоянно сновали туда-сюда матросы и прочие члены судовой команды. А долго задерживаться здесь ему никак нельзя, иначе можно столкнуться лицом к лицу с Биллом. Это не входило в планы обеспокоенного такой неудачей Джонни.

Только вечером у него созрел грандиозный и очень рискованный план: ночью проникнуть в каюту подозреваемых типов, и выкрасть у них ключ. Иначе в злополучную подсобку не попасть. К тому же в это время на камбузе никого: все нормальные люди крепко спят.

Поскольку других вариантов в голову не пришло, решил действовать этой ночью. Откладывать такие вещи нельзя: как бы не опоздать. А это главная болезнь и ошибка всех сыщиков и даже суперагентов мира. Да, придется подвергать себя опасности, а что делать, если готовится что-то ужасное?

В номере Джонни сделал последние записи в свою тетрадку, после чего перешел к другим непосредственным обязанностям.

«Ну что ж, начнем с малого – настраивал он себя и включил миниатюрный магнитофон. Положив его в чашку, он прижался к ней ухом, которое сразу же покраснело от нецензурной брани. – Хотя это и не для детского слуха, но придется слушать: ведь сейчас я не обыкновенный турист, а разведчик международного масштаба! Ведь преступность не имеет национальности. Поэтому не должен обращать внимание на всякие пустяки вроде мата, а проявлять невероятную бдительность и расторопность».

После короткой паузы послышался раздраженный голос Билла:

– Если в голове гуляет ветер, значит, есть, где разгуляться.

– Да я ей так и сказал: «Клянусь, я не причастен к твоей дряхлой старости: ведь я женился на молоденькой девушке. Взгляни на себя: что с тобой стало?!» А она вспылила, и тут такое началось!..

В это время раздался настойчивый стук в дверь. Джонни быстро спрятал магнитофон и тетрадку под подушку и открыл. Увидев уборщицу, упредил ее профессиональный вопрос категоричным ответом:

– У меня всё чисто. Завтра тоже убираться не надо.

Закрывшись, «слухач» снова прильнул к стене. А братья уже крепко ругались, обвиняя друг друга в пропаже денег. Судя по их голосам, они уже изрядно выпили и не церемонились в выражениях, словно специально прибегая к наиболее смачным из их богатого лексикона. Перемирие наступило только после того, как оба пришли к выводу, что совсем скоро деньги на какое-то время им не понадобятся. Зато потом их будет очень много.

«Что бы это значило?»

– На мой взгляд, самые привлекательные цифры знаешь где? На банковских счетах и денежных банкнотах, – уверял Фреди, с чем брат полностью согласился.

Но согласие длилось ненадолго, поскольку они затронули болезненную тему о взятках – а отношение к ним у обоих оказалось противоположным.

– Ты можешь быть и тем, и этим, но всё равно придется дать и тем, и этим, – доказывал Билл упрямому брату, который упорно стоял на своем.

– Да что мы понимаем в этой жизни, когда мы вовсе не живем, а скучно существуем. Вот поэтому я никому и не давал, а предпочитал брать и отнимать. И чем больше, тем лучше!.. для меня, а на остальных мне наплевать.

Время уже перевалило за полночь, а они всё еще оживленно болтали, по-стариковски ворчали – видимо, сказывался алкоголь, – вспоминая прошлые налеты, драки, взаимные обиды и грубые просчеты, из-за которых пришлось сроки мотать.

* * *

Однако вскоре спорщики одновременно захрапели, заставляя вздрагивать устоявшуюся тишину. На всякий случай выждав минут пятнадцать, пока их сны закрепятся, Джонни достал ключ от их каюты. Настало время действовать, только очень осторожно и быстро, иначе... От одной мысли, что с ним сделают сгоряча эти бандиты, если поймают его в своей

каюте-ловушке, Джонни лихорадочно затрясло, будто он попал на специальный трясучий аттракцион. Едва усмирив свое волнение, он филигранными движениями легко справился с замком и протиснулся в образовавшуюся щель.

– Все люди обыкновенные, а следователи – *обыскновенные*, – решил он первым делом оправдать свои действия перед законом и совестью.

Братья уснули при свете, что было только на руку Джонни. Сначала он ощупал карманы брюк и рубашки Фреди, который продолжал громко храпеть. «Хрюкай не хрюкай, а свиное сало из тебя всё равно не получится».

Затем проверил одежду Билла, который старался не уступать брату, но и там юного сыщика поджидала неудача. Тогда осмотрел карманы курток, висевших на крючках, на всякий случай проверил в тумбочке и на полках в шкафу – ключа нигде не оказалось. И тут он обратил внимание на веревочку на шее Билла.

«Что это, нательный крест, медальон, жетон или “золотой” ключик, который так тщательно прячется? Другого выхода нет – придется рисковать».

Склонившись над Биллом, который уже сменил сольную партию храпа на прерывистый свист, Джонни сморщился от смердящего перегара. Но ради дела пришлось пригнуться еще ниже. Прикрыв одной рукой чувствительный нос, другой он попытался двумя пальчиками ухватиться за веревочку, чтобы потянуть ее на себя. Но в самый последний момент Сутулый – это прозвище он получил в последние дни – дернулся и всё сорвалось. Тогда сыщик предпринял другие попытки, чтобы все-таки добиться своего. И каждый раз эта вроде бы несложная операция заканчивалась неудачно.

«А чего я мучаюсь? Может, сначала убедиться?» – решил он, приложив лихорадочную ладонь к тому месту, где мог ощутить неизвестное искомое. Однако кроме впалой груди ничего не нащупал: видимо, то, что привязано и так тщательно скрывается от посторонних глаз, сместилось вбок. Тогда придется еще повозиться и поискать. Снова пришлось прибегнуть к веревочке, а когда удалось ухватиться за нее и потянуть, неторопливо и очень осторожно, сантиметр за сантиметром, то вскоре оказался ключ.

«А я еще сомневался. Такие люди в бога не верят. Но как его достать? Билл лежит на спине, а если его проспиртованную тыкву чуть приподнять, может проснуться».

Головоломка не из простых. Но Джонни знал, что в любой ситуации есть выход, надо только найти самый рациональный. В результате очень точных манипуляций веревочка с ключом уже оказалась не на шее Билла, а на его подушке. Осталось только вытащить ее из-под затылка. Однако и здесь суперагент проявил удивительную смекалку: он перышком пощекотал тонкий нос Билла, тот неприлично фыркнул и стал переворачиваться набок.

Этим и воспользовался расторопный Джонни. Теперь искомый ключ в его надежных руках. Пора сматываться отсюда и приступать ко второму этапу операции.

Глава 20

Спустя секунды он в мягких кроссовках тихо спускался по трапу, затем резвой тенью пронесся по серебристой дорожке нужной палубы и затаился у таинственной двери. С замком справился легко, уже внутри помещения включил фонарик: ученье – свет, а свет нам легче оценить в потемках. Осмотревшись, он приступил к детальному осмотру содержимого подсобки.

– Вот здесь мелочей не должно быть, – убеждал он себя.

Чего там только не оказалось: свежие продукты, крупы, соль, сахар и консервные банки – и всё это мешками и коробками! Кое-что пришлось попробовать на язык и убедиться в съедобности. В отдельном ящике обнаружил лампы, фонари, ракетницу с патронами, веревку, котелок, топор, ножи, мачете. Даже рыболовные крючки и лески! А в другом – двухместную палатку, два спальных мешка, мыло и мазь от комаров.

– Никак наши друзья собрались в длительный поход. Но куда? Мы же в открытом океане. А может, это приготовлено для команды в случае кораблекрушения? Именно так они и скажут в свое оправдание, если я подниму шум. А меня только на смех поднимут. Нет, надо всё до конца выяснить. А пока всё сфотографировать – пригодится для следствия или истории.

Щепетильный Джонни достал цифровой фотоаппарат и скрупулезно задокументировал всё увиденное, затем аккуратно закрыл коробки, ящики и завязал мешки. После себя оставил всё как было, а кое-где даже протер тряпкой, чтобы не осталось ни одного следа ночного визитера.

– Как учили в криминальных романах и фильмах! – с удовлетворением отметил он, осторожно пятясь назад и еще раз осматривая узкое помещение: не забыл ли чего?

Благополучно преодолев освещенную лунной дистанцию в обратном порядке, он столкнулся с новыми трудностями: предстояло опять навестить спящих братьев в качестве невидимого гостя и вернуть позаимствованный ключ на прежнее место. Это оказалось не так-то просто. С каждым приближающимся шагом он ощущал, как ему нагло из каждого угла и даже из-под ног подмигивает страх – проверяет нервы на прочность, но Джонни – разведчик и продолжал с некой опаской красться под строгим наблюдением ночного светила. Вскоре он избавился от космической свидетельницы и оказался в своем коридоре. С каждым бесшумным шагом на цыпочках он приближался к цели.

К счастью, братья по-прежнему спали мертвецким сном и усердно колыхали спертый воздух. Фредди и на этот раз интересовал Джонни в меньшей степени, а вот Билл – теперь он надрывно посапывал на другом боку – хоть и неосознанно, но всё же создавал проблемы: те же самые. Рисковать не было смысла, поэтому сыщик так опоясал голову Билла веревочкой, что если тот приподнимет ее или встанет, то она окажется на его тонкой шее, а ключ – на груди, где ему и положено быть. И никаких тебе сомнений и подозрений.

«Теперь пора и честь знать», – признал Джонни, довольный результатами ночной операции.

Он уже собирался отправиться спать, но вспомнил про ссору братьев относительно каких-то денег.

«Это непорядок. Я должен вмешаться и внести свою лепту, – решил он, снова осматривая каюту. – Если они не доверяют друг другу, наверняка у каждого есть свой тайник. Но где?» – ломал он голову. Почему-то в первую очередь привлек внимание шкаф. Заглянул за спинку и заметил там что-то темное. Просунул руку и достал темный целлофановый пакет. С волнением развернул, а там пачка денег.

«Если они на этой стороне, значит, это тайник Билла. А деньги – либо общие, либо принадлежат Фреду, – размышлял сыщик, с неприятием разглядывая его обрюзгшую физиономию. Но справедливость важнее. – Надо сделать так, чтобы он увидел этот пакет, и тогда начнется очередная потасовка, исход которой для меня очевиден. Вор должен получить свое!»

В этом справедливый Джонни не сомневался, поэтому засунул пакет на прежнее место, однако специально сделал так, что часть его высовывалась из-за шкафа. Проснется Фред, потянется, сидя на своей кровати, и сразу обратит внимание. А раз ему это бросится в глаза, то невольно и руки потянутся – а там! Тут такая развлекаловка начнется! Джонни даже четко представил эту ужасную для Билла картину. Ой, что будет! Ничего, завтра через перегородку он обязательно услышит и с удовольствием узнает, чем закончится это родственное сражение, которому больше всего подойдет название «кровное».

* * *

Джонни вернулся к себе, однако ночные размышления изводили его, они растягивались на сотни и тысячи гроыхающих километров, вымощенных неровными кусками брусчатки. И каждый представлял собой отдельный жизненный эпизод, вырванный из памяти и неудачно вставленный в настоящее время. Нередко Джонни мысленно улетал и в отдаленное будущее. В голове всё путалось и мешалось до такой степени, что из череды событий и фактов получалась несуразная каша. Он даже боялся заблудиться, пропасть в неведомых пространствах, потерять ось времени, вокруг которой вращалась лишенная всякой логики его личная жизнь и вся свихнувшаяся планета – такой она ему казалась в эти сумасбродные минуты и нескончаемые часы.

И только под утро он так крепко уснул, что проспал завтрак, за что получил нагоняй: в первую очередь от матери, а потом от отца. Стоя перед ним с опущенной головой, он сопел себе под нос, а сам размышлял: «А что же меня соседи не разбудили? Выходит, они не дрались? А я так старался ночью. А может, я спал как убитый и ничего не слышал? Жаль! Такой концерт пропустил».

Ему так было обидно, что он не мог не осудить свое беспечное поведение: потеря бдительности для суперагента – подобно провалу и влечет за собой неминуемую гибель. А со смертью ему встречаться рановато.

«Эх, я – всё на свете проспал. А ведь я каждую секунду с огнем играю! И на тебе – такая легкомысленная халатность. И правильно меня отец ругает. Надо еще сильнее».

Свою злость он решил выместить на своих соседях, это из-за них у него возникли неприятности, поэтому виновные сегодня же должны пострадать. Он сидел в своей каюте и обдумывал план дальнейших действий, однако ничего умного в голову не приходило. Тогда выпорхнул на палубу и сразу ощутил желание срочно увидеть Стеллу. Ему не составило большого труда найти ее, окутанную легкой дымкой, показавшейся ему романтической.

– Ты как фея из сказки, – произнес он вместо приветствия. – Прошу тебя, не улетай от меня.

Она только благодарно улыбнулась. Джонни присел рядом и уставился за борт.

«Можно часами смотреть на густой туман и ничего не видеть, а можно сразу такое разглядеть, что больше уже не захочется», – подумал он и взглянул на свою застывшую соседку. Она сразу уловила его настроение.

– Что-то случилось?

Джонни колебался, окончательное решение он принял, выслушав мнение внутреннего голоса: «Не открывай душу нараспашку, а то продует на сквозняке».

– Да нет, ничего. Такая погода нацеливает только на серьезные размышления.

За спиной раздался скрипучий женский голос.

– Девочка, это вы вчера со своими друзьями поздно вечером как бешеная носилась по палубе? Прямо перед моим иллюминатором.

Сначала Стелла растерялась, но, увидев перед собой старушку с неприятным взглядом и выпирающей челюстью, собралась:

– Да я бы рада побегать и попрыгать... и даже получить от вас хороший нагоняй, да не могу.

– Ты еще и дерзишь? А с виду вроде приличная... Тогда кто же, если не вы? – теперь ее острый взгляд вонзился в Джонни, который сразу узнал ее. – Я из-за вас уснуть вовремя не могла.

Она несколько раз освежила свое морщинистое лицо веером и ждала правдивого ответа. А Джонни сначала мысленно оскорбил ее: «Да твою старость даже встречный шторм не в силах сдуть с убогой физиономии». Поскольку стерпеть необоснованные обвинения и такую откровенную наглость он не мог, то сразу же про себя окрестил старушенцию с навязчивыми бредовыми идеями Мымрой. А вслух порекомендовал:

– С этим вопросом к капитану: он всё про всех знает. Думаю, и про себя много интересного узнаете.

– Я уже была.

– А у врача?

– Какого?

– К педиатру не ходите – немного опоздали, а вот к психиатру – еще не поздно. К нему никогда не поздно.

– У них только невропатолог. Он мне выписал таблетки, а они мне не помогают.

– Тогда выход один: есть одно очень надежное французское изобретение, разом снимающее все головные боли. Так что идите и не просто идите, а требуйте направление. Поверьте, очень надежное и эффективное средство.

– Тогда я пойду: а вдруг и вправду поможет избавиться от мигрени.

Она засемила и вскоре ее фигура скрылась в белесой дымке.

– Беги, Мымра, беги, гильотина от всех болезней помогает, – захихикал Джонни. Однако тут же нарвался на осуждающий взгляд Стеллы.

– Ты уж слишком: уважай хотя бы ее старость. Еще неизвестно какими мы будем в ее возрасте.

– Уверяю тебя: другими. Но я уважаю ее заболевание, поэтому и направил по адресу.

* * *

После ужина Джонни с большим нетерпением забежал в свою каюту. За перегородкой слышал оживление: братья вернулись после вахты. Включив магнитофон, сыщик приложился ухом к стене и тут же просиял, услышав голос Фреди:

– Ты лекарства на ночь принимал?

Последовал неуверенный ответ:

– Нет.

– Тогда с кем же ты ночью разговаривал?

– С ковриком.

– Еще раз так задушевно побеседуешь, я засуну его тебе в пасть, чтобы вы лучше понимали друг друга. Я из-за вас вообще не спал.

– А кто же тогда храпел?

Короткую паузу прервал очередной вопрос Фреди:

– Слушай, а что это торчит?

В ответе Билла прозвучали нотки испуга.

– Не знаю. Откуда он взялся?

– Ну-ка давай посмотрим.

Донеслось шуршание пакета, а потом угрожающий возглас:

– Ах ты, крыса!

– Нет, это не я.

– Больше некому. Говорят, чужие деньги не пахнут, тогда почему от тебя так разит?!

Ах, сволочь! Как ты посмел стырить наш неприкосновенный запас? Да я тебя убью!

Далее послышались дикие вопли, нецензурные выкрики и грохот сломанной мебели.

«Ну вот, совсем другое дело, – повеселел Джонни, – не зря я старался, рискуя собственной жизнью. Глядишь, и вас заставил порезвиться после утомительного дежурства».

Соперники продолжали отчаянно дубасить друг друга, а Джонни позволил себе красмольную фразу:

– Если в вашу мышеловку попала крыса, то не пытайся выяснить ее происхождение и национальность – лучше сразу прибай.

Развалившись на кровати, он сомкнул кисти на затылке и, уставившись в потолок, представлял кровопролитное сражение буйных братьев.

– Только попробуй лягнуть меня в лицо – тогда я сразу умываю руки! – верещал Билл. – Что ты делаешь, паскуда? Ты еще об этом пожалеешь.

Однако спустя несколько минут Джонни утомился и совсем неожиданно для себя безмятежно уснул, окунувшись в свой детский мир приятных сновидений.

Глава 21

Проснулся внезапно – уже светло – и сразу наострил уши: кругом стояла подозрительная тишина. Он даже не поверил своим ушам: неужели он так долго спал, что за стеной уже давно закончилась война и враждующие стороны заключили вечный мир? Опять проспал всё на свете, осудил он себя и вышел прогуляться, чтобы насладиться морским воздухом. Вчерашний туман растаял, озорное солнце и яркие блики на воде невольно заставляли его щуриться.

На привычном месте нашел невозмутимую Стеллу: на этот раз она вышивала.

– Джонни, ты какой-то хмурый и заспанный, – сразу определила она и подарила ему светлую улыбку.

– Да меня с вечера как сморило, так и... Еще не отошел, – признался он смущенно.

– Пригодились ли тебе мой магнитофон и фотоаппарат?

Вспомнив о своей миссии, Джонни сразу оживился:

– Еще как! Я потом покажу тебе и дам послушать. А пока рано – надо продолжить.

Она и не настаивала, проявив учтивость и деликатность. А озабоченный Джонни заглянул в ее удивительные глаза – цвет не изменился – и озабоченно спросил:

– Ты не знаешь, где можно достать клей?

– В магазине. Я видела там бумажный и универсальный.

– Вот универсальный мне и нужен. Ты можешь выручить меня? Только ни о чем не спрашивай.

Она снова одарила его лучезарной улыбкой, что означало согласие.

– И что я должна сделать, повелитель мой?

– Не взрывать, не убить, не зарезать... Только одно: купить этот клей. Чтобы раз – и намертво!

Для убедительности он хлопнул ладонями и не торопился разнимать их. Она поверила и тут же удивила его, проявив не свойственную женщинам эрудицию и специфические познания.

– Ты перечислил не все средства убийств. Отравление, например. Утопление...

– Дорогая Стелла, да я и не собираюсь никого... – он тут же осек себя и прижал указательный палец к губам.

– Тогда зачем же тебе клей?

– Кое-кому заклеить рот, чтобы не болтали лишнего.

– Уж не мне ли за мою женскую назойливость? – она сделала вид, что испугалась, и ее левая бровь красиво застыла в странном изгибе.

Взволнованный Джонни поспешил разубедить ее:

– Да что ты, да я за тебя...

– Тогда смею предположить, что это грозит твоей сестре. Уж больно она язвительно отзывается о тебе.

– Откуда ты знаешь? – мгновенно вырвалось у него, а внутри уже всё закипело. Еще бы, он был на пороге сокрушительного провала.

– Не только земля, но и моря и океаны полнятся слухами, – как-то завуалированно ответила она. На ее прекрасном лице затаилась загадочная улыбка – в этот момент Стелла выглядела не просто взрослой, а умудренной жизненным опытом светской дамой.

А Джонни мучил вопрос: что же успела разболтать Кэтти? Морской ветер здесь быстро распространяет всевозможные слухи и новости. А для него, который занят очень серьезным делом, это грозит реальной опасностью: теперь он не сомневался, что эти типы действительно задумали что-то из ряда вон выходящее. Характеристика, личная отзыв и даже

нелестная оценка Кэтти его мало интересовали и вовсе не задевали мужавшее с каждым годом самолюбие – ничего, как-нибудь переживу, хотя выглядеть негодяем и разгильдяем в глазах Стеллы ему совершенно не хотелось, – главное, чтобы сестра не проболталась про подсобку.

– И что же она говорила обо мне? – не удержался он.

– Не ладите вы. Что родители и учителя замучились с тобой, что ты непредсказуемый, несерьезный и так далее.

– А про мои игры на судне?

– Какие еще «игры»? Что-то новенькое? Расскажи? – заинтересовалась она и умоляюще взглянула на него.

– Обязательно, только не сейчас. Возможно, я даже привлеку тебя: это очень интересно!

От такого заманчивого обещания Стелла откровенно загорелась и заверила, что с удовольствием примет в этом участие. Сосредоточенный Джонни с деловым видом подвез ее к магазину, вкатил коляску внутрь, а сам быстро пробежался глазами по витринам и вышел. Опираясь своим острым подбородком в кулак, который словно прилип к теплому поручню, он наблюдал за бесполезно снующими волнами.

«Сколько энергии впустую пропадает! А где-то не хватает электричества».

Вскоре появилась внешне невозмутимая Стелла и протянула тюбик. Сыщик прочитал свойства применения клея и остался доволен, его радостные глаза для нее были самой лучшей благодарностью, так как словесной она не ожидала от этого одержимого своей загадочной идеей мальчишки.

* * *

День пролетел как-то обыденно и не привнес ничего примечательного. Зато ночь обещала очередные волнения и требовала от Джонни продуманной дерзости и риска. Но он уже настроился и на всё был готов. Громогласный храп братьев послужил ему сигналом: пора начинать. Он с легкостью проник к ним в каюту, где без противогаза долго пребывать опасно для здоровья, и тихо вышел, прихватив с собой только обувь Фреды. Подошвы потертых башмаков густо облил клеем – показалось мало: надавил на тюбик и выдавил на пол еще две липкие змейки, затем по очереди положил на них пропахшую потом обувь. А для убедительности еще наступил и целую минуту постоял, чтобы плотнее прижать их к полу, полагая, что так быстрее клей схватится. Душа его в этот момент ликовала, предвкушая завтрашнюю разборку между свирепыми братьями, которая для посторонних покажется комедией. А для него эта, казалось бы, безобидная шалость – будет маленьким праздником, он привнесет в его скучную однообразную жизнь – за редким исключением – хоть какое-то разнообразие.

Чтобы избавиться от пахучей улики, он вышел на палубу и выбросил тюбик за борт.

– Да простит меня вся живность океана, но иного выхода у меня просто нет. Конспирация требует жертв!

* * *

Ранним субботним утром белоснежный с головы до ног капитан судна, сухопарый первый помощник и грузный боцман обходили все палубы. Везде порядок и чистота. И только в одном коридоре они столкнулись с безобразием.

– А это что такое? – возмутился капитан и сурово посмотрел на подчиненного, что рангом значительно выше другого. Перпом мгновенно передал по инстанции одним взглядом уже двойной гнев, в том числе и свой, на бедного боцмана – как всегда, он оказался крайним.

Тому ничего не оставалось, как терзать свои жесткие от возмущения усы и высказаться предельно кратко:

– Непорядок.

– Пропадут, а потом все претензии к нам. Что за беспечность... Кто у нас здесь? И куда уборщица смотрит?

– Да это наши, – полушепотом выпалил боцман. Лучше бы он этого не говорил.

– Что?! – возмутился больше прежнего капитан. – Почему здесь?

– Вы же прекрасно знаете: лайнер переполнен. Пришлось срочно увеличивать команду, а мест нет. Да еще они попросили поселить их вместе. Вот и пришлось из подсобки сделать простенькую каюту. Хорошо еще, что согласились. Но я их строго предупредил: чтобы на глаза никому не попадаться, ни шороха, ни звука... и выдавать себя за обычных пассажиров.

– Кто такие?

– Эти, как их... – замялся боцман, вспоминая фамилию. – Братья Фристон.

От злости первый помощник пнул башмак, но он даже не шелохнулся: все трое удивленно переглянулись. Тогда капитан пожертвовал своим ботинком, отливающим при свете идеальной белизной, и тоже старательно приложился, но и на этот раз они остались на месте. Такую откровенную наглость выставленной за дверь обуви начальство не могло вынести: последовал нервный стук в дверь, спустя несколько секунд она испуганно распахнулась – уж не пожар ли? И тогда командный состав стал свидетелем неприглядной картины под общим названием «бардак». Возмущенный капитан грозным пальцем указал сначала на братьев, затем на боцмана.

– Что-то на притаившихся мышей они не похожи. Скорее, свиньи.

После этого каждый из проверяющих вылил на нерадивых матросов, застывших как истуканы в полном недоумении, столько заслуженной грязи – особенно в этом преуспел словоохотливый и хорошо подготовленный боцман, – что нормальные люди давно утонули бы в этом потоке помоев, но только не братья, которые так закалились в местах лишения свободы, что стали непотопляемыми. В заключение односторонней воспитательно-профилактической «беседы» по душам раскрасневшийся капитан потребовал строго наказать виновных. Чтобы другим неповадно было! Он продолжил осмотр, а взбешенный боцман задержался и, сопровождая свою впечатляющую речь звериными рыками, размахивал угрожающими кулаками.

К сожалению, Джонни этого не видел, зато прекрасно слышал. И не только эту прелюдию, но и бурное продолжение, состоявшее из взаимных упреков и оплеух. Более агрессивным оказался пострадавший Фреди, который никак не мог отодрать свои заношенные штилеты от пола. Конечно же, он во всем обвинял своего мстительного брата.

– Ты не только крыса, но и порядочная сволочь. Скажи, ну чем тебе помешали мои безобидные башмаки?

– Да не я это.

– В чем они перед тобой провинились? У, паскуда, я тебя когда-нибудь приблю.

Фреди со всей силы дернул один башмак и рассвирепел еще больше: подошва вместе с каблуком осталась на полу, а всё остальное в его руках. Церемониться со вторым не было смысла: ремонту всё равно не подлежит, поэтому придется покупать новые.

– Дуй в магазин, пока я отдеру их.

– Почему я?

– Потому что за твой счет.

– Да я же, как ты, спал. Может, ты вчера где-то вляпался во что-нибудь, а сегодня не помнишь.

– А почему тогда они оказались в коридоре? Твои-то где – на месте! А мои, значит, гуляли, гуляли ночью как блудливые коты, потом вернулись и сразу так красиво застыли у порога, что ни за что не оторвать.

– Фреди, ты не их вини, а себя: еще неизвестно, где ты без меня шатался. А разулся, чтобы не пахло в каюте... и сразу шмыг в постель.

– А почему тогда я ничего не помню?

Сияющий Джонни охотно подсказал им, но его не услышали:

«Вино – причина, виновность – следствие».

Зато Билл пытался ему доходчиво пояснить:

– Крупные ссоры запоминаются тем, что потом никто не может вспомнить повод. К тому же не надо лопать все напитки подряд: когда их мешаешь, в голове получается мешанина, а она отрицательно влияет на твою дырявую память.

– Да мы вроде вчера немного, – на этот раз уже Фреди оправдывался.

– Для кого-то, может, и немного, – Билл взглянул на себя в зеркало и ужаснулся: «У меня такой вид – испугался б даже СПИД!» Затем, осторожно приложив руку к самому свежему синяку, добавил: – От дурака что угодно можно ожидать: как следы, так и отпечатки его дурости. Не буду показывать пальцем, но кому-то даже пинта пива лишняя, если не умеет вести себя в приличном обществе.

– Чтобы быть приличным человеком, надо получать приличную зарплату. А сколько мне платили? Поэтому пошел воровать, грабить... Слушай, Кощей, неужели ты считаешь себя «приличным»? И где же ты стал таким? Уж не на нарах ли?

– Да, считаю. Стоя в приличной очереди, хочется занять в ней достойное место. И я его заслужил своими лишениями!

Затем он задумался и сразу припомнил выражение: ничто так не пристает к человеку, как грязь и прозвища, но решил не отвлекаться от поднятой темы.

– А всё хорошее я впитывал с молоком матери. А потом занимался самовоспитанием, неважно где, главное, наглядный результат!

– Я так и вижу тебя, когда ты из грязи шагнул в лорды! – съязвил Фреди. Затем, сопя себе под нос, он привстал и угрожающе сжал дрожащие от нетерпения колотушки.

– Так меня, выходит, не тем молоком поили?

– Похоже, брат, что козлиным, раз до сих пор от тебя разит. Такая вонь!

За тонкий намек относительно косвенной причастности старшего брата к семейству козлов пришлось Биллу ответить по полной программе, что не прибавило свежести на его и без того вечно унылом и сером лице. Правда, и агрессивный налетчик получил пинок в пах, после чего долго со стоном отлеживался в скрипучей кровати.

Взгляд Джонни устремился на часы: пора идти. Оставив магнитофон включенным, он побежал на завтрак, чтобы как можно быстрее вернуться: душа жаждала продолжения «радиоспектакля» за стеной. Когда вернулся, оттуда доносились уже совсем другие интонации.

– Билли, и долго ты будешь валяться? Я гляжу, ох и любишь ты дурака валять!

– А ты не гляди, как я тебя презираю.

Когда боль немного утихла, Фреди снова начал отдиравать подошвы от пола, однако клей схватился намертво. Только с помощью специального растворителя удалось очистить линолеум и избавиться от неслыханного позора и ехидных насмешек со стороны невольных очевидцев.

Глава 22

Помирились братья только утром, поскольку ночью не жалели эмоций и свои глотки, чтобы с помощью храпа высказать друг другу всё, что накопело и наболело. Даже сыщик несколько раз просыпался от голосовой канонады и слышал через чувствительную стенку, как захлестывали их агрессивные эмоции.

С облегчением покинув туалет, помятый, словно снова побитый, Билл с ужасом разглядывал себя в зеркало.

– Уж лучше пусть на роду будет написано, чем на физиономии, – признался он, делая примочку мокрым полотенцем.

Сморщенный от боли в голове и по всему телу Фреди с трудом разбирался с недавним прошлым: накануне, вот таким же ненастным утром они слегка заглянули в завтра и только к вечеру с трудом вернулись из запойного вчера. А где же они находились всё остальное время? И где пребывают сегодня? Ответ так и не нашелся, пришлось прибегнуть к красноречию, полагая, что это его главный козырь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.